

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-И-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ	
<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ GERMANСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.</i> 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAH 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

P.V. Lukin

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196
--	-----

TIME SECULAR AND SACRED

A. Kabantus

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211
--	-----

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBURG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230
--	-----

WORD AND IMAGE IN CULTURE

O.F. Kudryavtsev

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
---	-----

I.G. Galkova

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275
---	-----

HISTORIAN AND TIME

S.L. Kozlov

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302
--	-----

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

P. Burke

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
--	-----

Ye.Ye. Savitsky

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355
---	-----

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

С.Л. Козлов

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”*

Памяти А.Я. Гуревича

1. Книга Марка Блока “Апология истории” сегодня нуждается в обширном комментарии, которого не существует. Если критическое издание “Апологии истории”, выпущенное Этьеном Блоком в 1993 г.¹, впервые снабдило читателей надежным текстом незавершенной книги Блока, то задачу комментирования это издание решило в весьма ограниченной, хотя и очень важной степени: Этьен Блок привел для целого ряда пассажей “Апологии” параллельные места из других сочинений своего отца. Требуется, однако, и иной, более широкий комментарий, который детально соотносил бы текст Блока с контекстом французской научной и идеологической жизни первой половины XX в. Такого комментария не дает ни одно известное нам издание “Апологии истории”, и примечания А.Я. Гуревича к русскому изданию книги Блока, при всей их содержательности, не могут заменить такого комментария. Указанная выше задача историко-научной контекстуализации в примечаниях А.Я. не ставилась, да и не могла быть поставлена – как по издательским условиям того времени, так и, что еще важнее, в силу совершенно недостаточной разработанности данной проблематики и в 1973, и даже в 1986 г. Но исследования и публикации по истории гуманитарных и социальных наук, появившиеся за последние двадцать лет, позволяют приблизиться к решению этой задачи. Никакой шаг к созданию такого комментария

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта, поддержанного стипендиями Дома наук о человеке (Париж) и Франко-российского центра общественных и гуманитарных наук (Москва). Приношу благодарность С.А. Арутюнову, А.В. Ахутину, А.Т. Бикбову, А.Н. Дмитриеву, Г.С. Кнабе и А.М. Перлову, высказавшим ценные для меня замечания в ходе обсуждения первого варианта этой работы на семинаре по истории гуманитарных наук в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ. Особая благодарность – Карло Гинзбургу, с которым я обсуждал основные тезисы этой работы: его советы и соображения были для меня чрезвычайно стимулирующими. Разумеется, вся ответственность за написанное лежит на мне.

на русском языке немыслим без памяти об А.Я., благодаря которому русский читатель смог получить еще при советской власти высококачественное издание “Апологии истории”, не изуродованное никакими конъюнктурными довесками. Русская “Апология истории” была первым и важнейшим, но, как известно, далеко не единственным вкладом А.Я. в дело исследования и популяризации наследия школы “Анналов”.

Насущная необходимость историко-научного комментария продиктована спецификой стиля изложения, которого Блок придерживается в “Апологии”: этот стиль можно было бы назвать *подчеркнуто невоинственным*. Блок, разумеется, противопоставляет свою позицию другим существующим позициям, но делает это всегда взвешенно и нюансированно, в спокойном тоне и с минимумом персональных полемических отсылок. Эту имплицитность изложения, принятую Блоком в “Апологии”, отметил Жерар Нуарьель в статье “Знание, память, власть”: по мнению Нуарьеля, воздержание Блока от острой персональной полемики в “Апологии” объясняется сверхзадачей этой книги – упрочить автономию профессионального сообщества историков, не раскалывать сообщество, а консолидировать его в условиях вражеской оккупации и вмешательства политических властей в научную деятельность. В этом – отличие стиля “Апологии истории” от стиля другой книги Блока, написанной практически одновременно с “Апологией”, – “Странное поражение”. “Странное поражение” – книга боевая и эксплицитная, “Апология истории” в значительной мере имплицитна². Цель искомого комментария должна состоять в экспликации всех тех связей с научным и общественным контекстом, которые в тексте Блока остались скрытыми или подразумеваемыми.

2. Исходя из вышесказанного, я хотел бы предложить некоторые материалы к такому комментарию. Я сосредоточусь на одном разделе блоковской книги – “Очерке истории критического метода”. Это первый раздел третьей главы “Апологии истории”. Блок здесь рассуждает о колоссальном значении критического метода, основы которого были заложены в XVII в. Папброхом, Мабильоном и Ришаром Симоном, а затем подчеркивает трудности, с которыми до сих пор сталкивается историческая наука. В числе этих трудностей он сперва называет интеллектуальные недоработки самих историков, после чего говорит: “Главное же – потребность в критике еще полностью не овладела умами “честных людей” (в старом смысле этих слов), чье признание, нужное, конечно, для моральной гигиены всякой науки, особенно необходимо в нашей. Ведь предмет нашего изучения – люди, и, если люди не будут нас понимать, не возникнет ли у нас чувство, что мы выполнили свою миссию лишь наполовину?”³

То, что Е.М. Лысенко в русском издании “Апологии” перевела выражением “честные люди” – это “*honnêtes gens*”, а старый смысл выражения “*honnêtes gens*”, на который ссылается Блок, – это смысл, восходящий к классической французской культуре XVII в. Перевод “честные люди” здесь вполне допустим (ср. название фонвизинского журнала: “Друг честных людей, или Стародум”), но я буду придерживаться другого, также вполне устоявшегося, перевода: “порядочные люди”.

“*Honnête homme*”, “*honnêtes gens*” – “порядочный человек”, “порядочные люди” – обозначение человеческого идеала, разработанного французской культурой XVII в.⁴ Это воплощение воспитанности, здравого смысла и чувства меры. Но особенно важно для нас то, что “порядочный человек” – это человек, далекий от всякой односторонности, готовый поддержать беседу на любую тему. Социальная роль “порядочного человека” по определению противоположна всякой профессиональной ограниченности. Специалист может выступать в роли “порядочного человека”, но в тот момент, когда он выступает в этой роли, он на время отказывается от своей роли специалиста.

Если посмотреть на ближайший контекст этого пассажа, то мы увидим здесь еще два слова, характерные для французского культурного обихода XVII в. Это слово “*érudit*”, обозначавшее в XVII в. человека, занимающегося историко-филологическими изысканиями, и слово “*bel-esprit*” – “остроумец”. Контекст здесь следующий. Блок иллюстрирует свою мысль о сохраняющемся разрыве между профессиональными историками и читающей публикой. В качестве иллюстрации этого разрыва он приводит “великий спор о примечаниях” – “*la grande querelle des notes*”. В этом споре, по мнению Блока, неправы обе стороны: с одной стороны – “эрудиты”, злоупотребляющие сносками до нелепости, а с другой стороны – “изнеженные” читатели, жалующиеся, что от малейшего подстрочного примечания у них туманятся мозги. Здесь-то как раз и упоминаются “остроумцы” (в переводе Е.М. Лысенко – “остряки”), которые издеваются над сносками, не понимая их серьезной роли в процессе установления истины.

Итак, с одной стороны – не думающие о публике эрудиты, с другой стороны – не думающие об истине остроумцы, а посередине – порядочные люди, которые сегодня находятся под влиянием остроумцев, но которые должны в идеале оказаться в союзе с эрудитами. Блок описывает сегодняшние отношения между исторической наукой и публикой с помощью терминов XVII в. Почему он это делает? На первый взгляд, все объясняется тем, что Блок описывает здесь судьбу критического метода, восходящего в блоковском изложении главным образом к XVII в., и такое единство терминологии позволяет

ему подчеркнуть единство всего процесса. Но за этой очевидной причиной скрываются на самом деле важные подтексты, связанные с самоопределением Блока по отношению к околонучным идеологическим конфликтам конца XIX – первой половины XX в.

3. Первая задача, которая стоит сегодня перед комментатором “Апологии истории”, – выявление скрытых автоцитат. Как отмечал Оливье Дюмулен в книге о Блоке, “наиболее часто цитируемый Марком Блоком автор – это сам Марк Блок”⁵. Следует уточнить, что речь идет не столько о дословных цитатах, сколько о повторах. Это повторы иллюстрирующих примеров, концептуальных построений, метафор, ключевых слов – короче, параллельные места. Если говорить об интересующем нас пассаже, то к нему обнаруживаются два таких параллельных места: одно из них мы находим в раннем тексте Блока, а второе – в предвоенной переписке Блока с Февром. К переписке обратимся позднее, а начнем с раннего текста Блока. Это – произнесенная в 1914 г. и тогда же напечатанная отдельной брошюрой речь Блока перед выпускниками амьенского лицея, озаглавленная “Историческая критика и критика свидетельства”. Соотношение этой речи с позднейшими работами Марка Блока анализировалось многократно; сейчас нам важно лишь, что в этом раннем тексте наличествуют многочисленные схождения с текстом “Апологии истории”: они отмечены Этьеном Блоком в подготовленных им изданиях работ отца. Среди этих схождений есть и пассаж о сносах, вызывающих гнев у слишком изнеженных читателей⁶. В речи нет еще упоминаний о “порядочных людях”, “эрудитах” и “остроумцах”, но уже есть главная установка, объединяющая начальный и завершающий тексты Марка Блока: стремление легитимировать профессиональную историческую науку в глазах общества.

Это схождение двух текстов показывает, что комментируемый пассаж (как и вообще очень многое в “Апологии истории”) уходит своими корнями в размышления Блока, относящиеся еще ко времени до Первой мировой войны. Именно в этот период во Франции развернулись чрезвычайно острые дискуссии о путях развития гуманитарных и социальных наук и об их соотношении с классической французской культурой XVII в.

4. За последние двадцать пять лет эти дискуссии несколько раз становились предметом специального рассмотрения. В 1983 г. они были проанализированы Жаном Капо де Киссаком в статье “Action française против Сорбонны историков”. В 1985 г. Вольф Лепениес посвятил этим полемикам отдельную главу в своей книге “Три куль-

туры: социология между литературой и наукой”. В 1988 г. вышла в свет единственная монография, целиком посвященная данной теме: книга Клер-Франсуазы Бонпер-Эвек “Дискуссия об университете в эпоху Третьей республики: борьба против новой Сорбонны”. Наконец, в 2004 г. эти дискуссии стали предметом внимательного социологического анализа с бурдьеанских позиций у Жизели Сапиро в статье “Защита и прославление “порядочного человека”: литературы против социологии”⁷. Бонпер-Эвек дает очень полную сводку фактов, но ее подход к ним скорее описательный. Статья Сапиро гораздо более концептуальна и аналитична, но, как и очерк Лепениеса, она сосредоточена лишь на полемике вокруг социологии: историко-филологические науки оставлены у Лепениеса на периферии, а у Сапиро и вовсе за рамками рассмотрения. По отбору анализируемого материала ближе всего подходит к целям нашего анализа статья Капо де Киссака. Следует, однако, отметить, что и эта работа, весьма содержательная и наиболее детально представляющая аргументацию правых идеологов в их борьбе против позитивистской исторической науки, не свободна от специфической односторонности. Капо де Киссак полностью обходит молчанием борьбу правых с Дюркгеймом и дюркгеймианцами; между тем, без учета этой борьбы нельзя до конца понять и позицию правых по отношению к профессиональным историкам. Это молчание по поводу Дюркгейма соотносится у Капо де Киссака с полным игнорированием антисемитского и ксенофобского пафоса, пронизывавшего выступления критиков “новой Сорбонны”: фактически статья Капо де Киссака может быть прочитана как попытка академической легитимации наследия “Action française”. Невозможно в этой связи не вспомнить, что Капо де Киссак тесно связан с праворадикальным полюсом в общественной жизни Франции: эта связь особенно ярко проявилась в последние годы⁸.

Говоря дальше о полемике конца XIX – начала XX в., мы будем учитывать работы всех четырех названных выше исследователей, но не станем ограничиваться ими ни в том, что относится к общим характеристикам, ни в том, что касается цитируемого материала.

5. Коротко опишем ситуацию “с высоты птичьего полета”.

Конфликты, о которых идет речь, были связаны с внедрением во Францию практик *профессионального* гуманитарного и социального знания, относящихся к сфере науки и построенных по немецкому образцу. Эти практики категорически противоречили ценностно-функциональной матрице, лежавшей в основе институционального устройства французской культуры и восходившей к культурным нормам, утвердившимся во второй половине XVII в. Согласно

этим нормам, гуманитарное знание относилось к сфере изящной словесности (*belles lettres*), а не к сфере науки (*science*); к сфере досуга, а не к сфере профессиональной службы; к сфере общего (т.е., в позднейших категориях, среднего) образования, а не к сфере специального (т.е., в позднейших категориях, высшего) образования. И, соответственно, адресатом этого знания был “порядочный человек”, а не специалист. Деятельность инноваторов XIX в., внедрявших во французскую почву гуманитарные и социальные науки, построенные по немецкому образцу, не могла разрушить эту матрицу; она была способна лишь с большим трудом переместить гуманитарное и социальное знание в другую нишу этой матрицы – в ряд научного знания, специального образования и профессиональной службы. В числе главных вдохновителей этой функциональной переориентации гуманитарного и социального знания в середине XIX в. были семитолог Эрнест Ренан, индоевропеист Мишель Бреаль, филолог-романист Гастон Парис и историк-франсизист Габриэль Моно; в следующем поколении их миссию подхватили социолог Эмиль Дюркгейм, историки Шарль-Виктор Ланглуа и Шарль Сеньобос, литературовед Гюстав Лансон. Поскольку в основе всего этого процесса лежал культурный импорт во Францию из Германии, большую роль в процессе играли социокультурные меньшинства, находившиеся в промежуточном положении между Францией и Германией, т.е. протестанты и эльзасско-лотарингские евреи. Программа реформации гуманитарного знания стала активно осуществляться в 1860-е годы, с созданием журнала “*Revue critique*” и историко-филологического отделения Практической школы высших исследований; после краха Второй империи и создания Третьей республики, на волне синдрома поражения, эта программа была увязана с задачами широкой реформы образования. Завершающими достижениями этой программы можно считать университетские реформы 1896 г., присоединение Высшей нормальной школы к Сорбонне в 1904 г. и реформы ученых степеней бакалавра и лиценциата соответственно в 1902 и 1907 гг.

Этот последний этап пришелся на годы резкой поляризации общественно-политической жизни. Поляризация была связана с делом Дрейфуса. Быстро выкристаллизовались два антагонистических лагеря: дрейфусары и антидрейфусары, левые и правые, республиканцы и монархисты, сторонники справедливости и сторонники порядка. Университетские реформы и лежавшая в их основе переориентация функций гуманитарного знания стали еще одним поводом для борьбы двух лагерей: тут надо учесть, что подавляющее большинство сторонников онаучивания гуманитарного знания заняло активную дрейфусарскую позицию. В ответ правые разворачивают в 1900–1910-х годах целую серию кампаний антисциентистской реак-

ции на университетские реформы. Перечислим главные вехи этой серии в хронологическом порядке:

1899–1905 – цикл газетных статей Шарля Морраса “Клан Моно о клане Моно” (“Les Monod peints par eux-mêmes”);

1905 – инициированное газетой “Action française” празднование 75-й годовщины со дня рождения Фюстеля де Куланжа (умершего в 1889 г.);

1907 – скандал вокруг защиты диссертации Пьера Ласера в Сорбонне;

1907–1908 – курс лекций Пьера Ласера “Официальная доктрина Университета”, прочитанный в “Институте Action française”;

1908 – скандал с рукоприкладством по отношению к профессору Таламасу, допускаявшему оскорбительные высказывания о Жанне д’Арк;

1909 – памфлет Ласера “Г-н Круазе, историк афинской демократии”, посвященный декану факультета словесности в Сорбонне, историку-античнику Альфреду Круазе;

1910 – цикл статей Анри Массиса и Альфреда де Тарда “Дух новой Сорбонны”, опубликованный под псевдонимом “Агафон” в газете “L’Opinion”;

1911 – “Дух новой Сорбонны” Агафона выходит отдельной книгой;

1912 – выходит отдельной книгой “Официальная доктрина Университета” Ласера.

С июля 1910 г., с началом публикации статей Массиса и Тарда в газете “L’Opinion”, кампания против реформированной Сорбонны перемещается в центр общественной жизни и перерастает в широкую публичную дискуссию. В первой половине 1911 г. вопрос об итогах университетской реформы несколько раз обсуждается в парламенте; в ходе этих обсуждений полемический дух понемногу выдыхается, парламентское большинство твердо выступает в поддержку реформ, а центр дискуссий переносится с проблем университетского образования на судьбу латыни и французского языка в системе среднего образования.

6. Вопрос об “honnêtes gens” был тесно связан с самой сутью перечисленных выше полемик. Позицию лагеря сциентистов (он же – лагерь дрейфусаров, республиканцев, а в терминах “Action française” – инородцев и иноверцев) по данному вопросу ясно выразил в 1893 г. Дюркгейм. Во введении к своей книге “О разделении общественного труда” он писал: “Прошло время, когда совершенным

человеком нам казался тот, кто, умея интересоваться всем и не призываясь ни к чему исключительно, обладал способностью все пробовать и все понимать и находил средства соединять и собирать в себе все лучшее в цивилизации. Но в настоящее время эта *общая культура*, столь хвалимая когда-то, производит на нас впечатление чего-то изнеженного и расслабленного. ⟨...⟩ *Благовоспитанный человек былых времен* в наших глазах просто дилетант, а мы отказываем дилетантизму во всякой моральной ценности. Мы видим скорее совершенство в компетентном человеке, который не стремится быть всесторонним, ⟨...⟩ который имеет свою ограниченную задачу и посвящает себя ей”⁹. Развенчание “благовоспитанного человека былых времен” продолжается в главе, посвященной наследственности: “Достаточно сравнить ⟨...⟩ благовоспитанного человека XVII в. с его открытым и малокультурированным умом и теперешнего ученого, вооруженного всеми навыками, всеми необходимыми для его науки знаниями ⟨...⟩, чтобы увидеть значение и разнообразие комбинаций, понемногу наложившихся на первоначальную основу”¹⁰.

С начала XX в. социология Дюркгейма превращается в один из важнейших идеологических компонентов, чтобы не сказать – в идеологическую базу программы образовательных реформ, осуществляемой режимом Третьей республики. В социологии Дюркгейма сторонники сциентификации гуманитарного знания обрели наиболее широкую и артикулированную философско-идеологическую платформу для своей деятельности. Дискурс реформаторов образования становится неотличим от дискурса дюркгеймианцев. Уничжительные отсылки к наследию XVII в., и в частности к культуре “порядочного человека” становятся одним из элементов этого дискурса. Яркий пример такого усвоения дюркгеймианской аргументации – лекция Эрнеста Лависса “Воспоминания о неудачном образовании”, прочитанная зимой 1902–1903 гг. в Школе высшего социального образования в рамках лекционного цикла “Воспитание демократии”. Подробно описав полученное им в 1850–1860-х годах – сначала в коллеже, а затем в Высшей нормальной школе – образование, отличавшееся риторичностью, абстрактностью и отсутствием связи с жизнью, Лависс приходит к выводу, что любые частные реформы окажутся бесполезны, если не будет пересмотрена сама идеология образования, восходящая к XVII в. «Идеал воспитателей XVII века был прост, и ничто ему не мешало быть таковым, – говорит Лависс. – ⟨...⟩ Человеку того времени вполне хватало *studia humanitatis*, как их тогда понимали, то есть эстетического и морального изучения великих писателей, направленного на формирование “порядочного человека”, что было практически равнозначно формированию человека благопристойного»¹¹. Новый же идеал образования должен соответствовать достигнутому уровню общественного развития и

представлять собой подготовку активного самостоятельного человека, умеющего приспособливаться к окружающей природе и к эпохе, в которую он живет, – такова Лависсова транскрипция дюркгеймовского “человека компетентного”. Подобная идеология образования, нашедшая себе опору в дюркгеймовской концепции разделения труда как показателя общественного прогресса, подразумевала 1) значительную дифференциацию и специализацию среднего образования, 2) повышение удельного веса естественных наук, живых языков и практических навыков в программе среднего образования, 3) историзацию и релятивизацию смыслов и ценностей в рамках среднего и высшего гуманитарного образования и, наконец, 4) решительный поворот к практике самостоятельных исторических исследований в рамках высшего гуманитарного образования. С точки зрения сторонников реформ, общим знаменателем всех этих нововведений было их соответствие современности; с точки зрения противников реформ, общим знаменателем всех предлагаемых и внедряемых новаций был утилитаризм и/или релятивизм.

Критика образовательных реформ разворачивается еще в 1890-х годах. Она строится как апология “либерального” образования в противовес “утилитарному” или как апология “общей образованности” (*culture générale*) в противовес “специализации”. Одним из первых манифестов в защиту “общей образованности” стала брошюра Фердинанда Брюнетьера “Воспитание и образование” (1895). Брюнетьер говорит, в частности, о вкладе, который внесли ученые-гуманитарии в дело “дезорганизации публичного образования”. «Если прежняя система воспитания ставила себе задачей формирование “порядочного человека”, которому учителя старались дать “ясные представления обо всем”, который не вешал на себя никакой “вывески” и который благодаря именно этой универсальности мог соответствовать любой жизненной ситуации ⟨...⟩, то наши эрудиты задались целью сформировать неких якобы “специалистов”, которые на самом деле вовсе никакие не специалисты, ибо невозможно быть специалистом ни в двадцать, ни даже в двадцать пять лет. Зато на глаза этим “специалистам” надеты шоры. И, хотя цель состояла в том, чтобы заставить этих “специалистов” смотреть только в одну сторону – прямо перед собой, – от этого они не стали видеть ни дальше, ни ⟨...⟩ прямее. Дело в том, что наши эрудиты умудрились каким-то образом спутать общие представления с представлениями расхожими или банальными ⟨...⟩. Но если бы они захотели узнать, какова на самом деле роль общих представлений, я бы отослал наших эрудитов не к преподавателю риторики и не к профессиональному философу, а к естествоиспытателю – к Клоду Бернару и его “Введению в экспериментальную медицину”, которое я когда-то сравнил с Декартовым “Рассуждением о методе”, в чем несколько не раскаи-

ваюсь (...). Мы знаем, как ответил этот великий физиолог одному из учеников, который преподнес ему свою добросовестную и высокоученую монографию о каком-то животном. “Превосходно, – сказал он, – эта работа делает вам честь. Но скажите: что осталось бы от нее, если бы изученного вами животного по каким-нибудь причинам не существовало бы?” Я бы хотел, чтобы эти слова Бернара были высечены на фронтоне наших средних учебных заведений», – пишет Брюнетьер и далее развивает свою мысль: «Наши эрудиты (...) не видят, что именно благодаря общим представлениям все мы, пока живем, обладаем способностью выходить за собственные границы (...). Именно благодаря общим представлениям наши частные представления – пришедшие к нам по наследственности или извлеченные из опыта – могут быть упорядочены и как бы организованы в живую концепцию нашего времени, человека и мира (...). Наконец, именно посредством общих представлений мы общаемся друг с другом, и в этом смысле надо признать, что общие представления составляют узлы, скрепляющие общество в единое целое. Наши частные представления нас разделяют; наши общие представления нас сближают и объединяют (...), [они] суть то истинно человеческое и, следовательно, истинно социальное, что в нас есть»¹².

Похоже, что весь этот пассаж целит в Дюркгейма, идеи которого к тому времени вот уже три года будоражили маленький мирок парижских профессоров и студентов¹³. Брюнетьер не без внешнего блеска пытается выстроить из того же строительного материала, которым пользуется Дюркгейм (дихотомия социального и индивидуального, представление о примате социального над индивидуальным и фиксирующее этот примат базовое понятие “социальная связь” – *lien social*), конструкцию, прямо противоположную дюркгеймовской: не разделение труда и вытекающая из него все более ранняя специализация обеспечивают социальную связь, а, наоборот, “общая образованность” – система “общих представлений”, закладываемая во всех членов коллектива еще до всякой специализации, является источником и гарантом социальной связи. (Через три года после статьи Брюнетьера эти же идеи будут подробно развиты философом Альфредом Фулье в книге “Классическое образование и демократия”¹⁴.)

Статья “Воспитание и образование” появилась сразу после того, как Брюнетьер оповестил читающую публику о своем окончательном повороте вправо. В январе 1895 г. он напечатал в редактируемом им журнале “*La Revue des deux mondes*” статью “После посещения Ватикана”, в которой категорически отверг претензии современной науки на формирование человеческого мировоззрения как несостоятельные. По мнению Брюнетьера, только церковь может спасти современную демократию от морального кризиса и распада социальных связей. Эта статья вызвала бурное возмущение респуб-

ликанских кругов; апогеем этой реакции стал в апреле 1895 г. колоссальный банкет на восемьсот персон “За честь науки”, на котором многочисленные ораторы (в частности, Эмиль Золя) защищали науку и клеймили позором Брюнетьера¹⁵. Статья “Воспитание и образование” была логическим продолжением этого дрейфа вправо. Следующим и самым скандальным шагом на том же пути стала статья Брюнетьера “После суда”, опубликованная в марте 1898 г. и посвященная делу Дрейфуса. В ней Брюнетьер провозгласил свою антидрейфусарскую позицию, хотя и недвусмысленно отмежевался от антисемитизма. По сути статья представляла собой размышление о пагубной роли индивидуализма в современном обществе и возлагала вину за общественное разложение (частным проявлением которого явился и пересмотр дела Дрейфуса) на слой “интеллектуалов”, являющихся разносчиками индивидуализма. Статья вызвала очень широкую полемику в печати и привела к открытому столкновению Брюнетьера с Дюркгеймом, который в июле того же года ответил на обвинения Брюнетьера программной статьей “Индивидуализм и интеллектуалы”¹⁶.

Таким образом, вопрос о “порядочном человеке в старом смысле слова” оказывался вопросом об отношении современного образования к “общей культуре” и при этом предполагал совершенно определенные общественно-политические импликации. Все это в еще большей степени проявилось в период между окончанием дела Дрейфуса и началом Первой мировой войны: в это время главным очагом антиреспубликанских настроений становится вдохновляемое Шарлем Моррасом движение “Action française”. Упоминание о “порядочном человеке” с неизбежностью возникает на страницах книги Пьера Ласера “Официальная доктрина Университета” (1912), которая представляет собой если и не всеобъемлющую, то наиболее развернутую критику новейшей французской системы образования (как высшего, так и среднего) с позиций “Action française”. Ласер посвящает целую главу язвительному разбору “Воспоминаний о неудачном образовании” Лависса и, естественно, останавливается на отношении Лависса к “порядочному человеку” как идеалу прежней французской образовательной системы. «Стыдно слышать из уст директора Высшей нормальной школы столь неправильное словупотребление, – пишет Ласер. – (...) Он (Лависс. – С.К.) превращает порядочного человека в “человека благопристойного”, то есть в чисто светский и совершенно поверхностный в своей приятности человеческий тип. И он бросает в аудиторию это определение, как если бы оно соответствовало каким-то общезначимым банальным историческим фактам. (...) Но неужели профессор Сорбонны не склонится перед текстами, пусть даже тексты эти всем известны и общедоступны? Писатели той эпохи (эпохи Людовика XIV. – С.К.) часто опи-

сывали тип порядочного человека, и все они – в частности, Паскаль, Мольер, Лабрюйер – наделяли его такими признаками, как серьезность, сила и достоинство в сочетании с грацией, свободой и непринужденностью, причем сочетание это таково, что два вышеуказанных ряда качеств как бы выступают гарантией друг для друга: ведь истинная широта ума и подлинное владение знаниями непременно отличаются от педантизма известной грацией, точно так же как естественная грация отличается некоторой серьезностью от аффектации¹⁷. И Ласер подкрепляет свои слова цитатой из Паскаля.

Глава о Лависсе открывает первую часть книги Ласера, носящую название “Война с гуманизмом” и посвященную проблемам среднего образования. Проблемам высшего образования посвящена вторая часть книги – “Варварство в Сорбонне”. Свою критику “новой Сорбонны” Ласер начинает с фигуры Дюркгейма (последний, став профессором Сорбонны в 1902 г., очень быстро превратился, по выражению недоброжелателей, во всемогущего “регента Сорбонны”: безусловное неформальное лидерство Дюркгейма в общеуниверситетском масштабе подкреплялось его членством в двух важных органах управления – Совете университета и Консультативном совете¹⁸). И, точно так же как перед этим Ласер разоблачал неправомерные отождествления, на которых строилась аргументация Лависса, теперь он разоблачает неправомерные отождествления, к которым прибегает Дюркгейм. “Так, – пишет Ласер, – безо всякого труда, хотя и с изрядной долей абстракций, дискредитировав то, что и без него было уже донельзя дискредитировано, а именно любительский дилетантизм, он (Дюркгейм. – С.К.) после этого путем чисто словесных ухищрений отождествляет дилетантизм и общую культуру (которая на самом деле является противоположностью дилетантизма). Его словесная диалектика заставляет распространить осуждение дилетантизма и на осуждение общей культуры. (...) Но общая образованность есть по сути своей образованность, разделяемая всеми, плод одинаковой для всех умственной дисциплины. Так не придется ли затем распространить осуждение общей образованности и на любую подготовку, на любое воспитание, имеющее целью внушить членам одного общества некоторый запас общих принципов, привязанностей, верований и чувств?”¹⁹. Другими словами, отрицание роли общей культуры ведет к распаду общественного единства: как видим, Ласер продолжает линию аргументации, ранее развитую Брюнетьером.

Обвинение, выдвинутое сперва против Дюркгейма, включается впоследствии Ласером в итоговый обвинительный вердикт, касающийся “новой Сорбонны” в целом: “Она (Сорбонна. – С.К.) отождествила общую культуру и дилетантизм, эти две противоположности, чтобы распространить заслуженно дурную репутацию дилетантизма

и на общую культуру. Она признает лишь слепое накопление сырых материалов – признает не только как цель умственной работы, но и как единственный способ преподавания, как педагогический инструмент. Философская, историческая и критическая позиция реформированной Сорбонны определяется одним словом. Это систематическое отречение от разума²⁰. О причинах, приведших к такому отречению, Ласер говорит чуть позже, на самых последних страницах своей книги. Причины эти состоят в “засилье еврейского и особенно протестантского элемента в стенах Университета”. Это засилье квалифицируется Ласером как “скандальное с нравственной точки зрения” и как «вопиющий факт, сущностно связанный с войной против умственного воспитания, ведущейся во имя “демократии”»²¹.

Аналогичным образом оценивают “новую Сорбонну” Массис и Тард. “Наши реформаторы покушаются ни более ни менее как на классический идеал культуры; они поставили себе целью заменить этот идеал новым образцом умственного развития. Именно этим определяется вся серьезность нынешнего спора; именно поэтому надлежит сделать этот спор достоянием широкой гласности. (...) Идеал, который нам навязывают, – это *специализация*, обязательная уже в коллеже и продолжаемая на факультете”²². Дальше следует ссылка на Дюркгейма и все та же цитата из книги “О разделении общественного труда”. Массис и Тард, как до них и Ласер, видят в этом культе специализации огромную угрозу, но каждый защищает от этой угрозы что-то свое, наиболее дорогое: Ласер – в первую очередь единство общества, а Массис и Тард – в первую очередь индивидуальный талант. И чтобы побить сциентистов их же оружием, Массис и Тард (как до них и Брюнетьер) ссылаются на авторитет Клода Бернара, который писал: “Науки движутся вперед лишь силою новых идей и творческой или оригинальной мощью мысли”²³. Что же касается отождествления культуры XVII в. с дилетантизмом, то Массис и Тард, вслед за Ласером, в корне отвергают подобное отождествление, видя в нем “чисто полемический прием. (...) Смешивать дилетантизм с классической культурой, этим продуктом дисциплины и усилия, возведенного в систему, – значит допускать грубейшее искажение истины”²⁴.

7. Обратимся теперь к другому термину, использованному Марком Блоком в комментируемом нами пассаже, – “эрудиты”. Слово “эрудития” тоже было словом-сигналом в борьбе правого лагеря с “новой Сорбонной”. В связи с этим следует остановиться на разделе книги Ласера, специально посвященном исторической науке. Это – единственный раздел во всей книге, не принадлежащий перу Ласера: автором раздела “История” был молодой адепт “Action française”

Рене де Маранс²⁵. Согласно Марансу, “новое понимание истории основано прежде всего на смешении истории и эрудиции”. Апостолы нового понимания истории (а это для Маранса в первую очередь Ланглуа и Сеньобос) не способны “ни провести различие между историей и эрудицией, ни, тем более, иерархически упорядочить отношения между той и другой. В результате они приходят к разрушению как подлинной эрудиции, так и подлинной истории”²⁶. Противопоставление “истории” и “эрудиции” у Маранса по сути своей в общем аналогично противопоставлению “историков” и “антикваров”, развитому позднее в работах Арнальдо Момильяно²⁷. Маранс выделяет три главные формы, в которых проявляется это некритическое смешение истории с эрудицией: 1) поглощение общего частностями; 2) подмена суждений предварительными материалами к суждениям; 3) сведение истории к текстологии. Надо сказать, что текст Маранса выгодно контрастирует с прочими современными ему образцами “критики справа”, направленной на образовательные реформы конца XIX – начала XX в., будь то статьи Брюнетьера, Морраса, Агафона или основной текст книги самого Ласера. В тексте Маранса почти нет патетической риторики, так или иначе характерной для всех перечисленных выше авторов, зато есть поступательное развитие концепции (вместо риторических амплификаций одной отдельно взятой мысли) и нюансированность характеристик. Именно такой взвешенностью отличается подход Маранса к проблеме соотношения истории и эрудиции, что не преминул подчеркнуть и сам Ласер в заключительной главе своей книги: “Суть сорбоннского варварства была [выше] неоднократно охарактеризована формулой: *эрудиция без мысли*. Мы остереглись от того, чтобы говорить, подобно некоторым другим, об излишествах в эрудиции или о злоупотреблении эрудицией”²⁸. Из этих слов видно и сходство между двумя соавторами, и расхождение между ними: оба заверяют в своем уважении к эрудиции как таковой, но Маранс видит корень зла в некритическом *смешении* истории с эрудицией, тогда как Ласер говорит об “эрудиции без мысли”, т.е. о том, что эрудиция *вытесняет* историю.

Те “другие”, которые, согласно Ласеру, обвиняют Сорбонну в “злоупотреблении эрудицией”, – это, очевидно, Агафон, т.е. Массис и Тард. “Злоупотребление эрудицией, комментариями, глоссами и специальными проблемами уже приносит свои плоды”, – читаем мы в авторском предисловии к “Духу новой Сорбонны”²⁹. Ценностные установки Массиса и Тарда отличаются от установок Ласера и Маранса довольно заметно. Ласер и Маранс – сторонники “Action française”, т.е. роялисты, антисемиты, поклонники классицизма и заклятые враги романтизма. Что касается Массиса и Тарда, то Массис в эти годы, будучи националистом, далек от политического радикализма Морраса (он примкнет к Моррасу лишь после войны), а Тард

и вовсе является либеральным республиканцем. В эстетическом отношении они романтики-иррационалисты; литература их интересует значительно больше, чем история³⁰. Поэтому вопрос об эрудиции они решают гораздо более радикально, чем Ласер и уж тем более чем Маранс: по мнению Агафона, эрудиции в Сорбонне должно быть отведено чрезвычайно ограниченное место. Во-первых, – уверенно заявляют Массис и Тард, – “роль Сорбонны состоит в том, чтобы готовить преподавателей, воспитателей юношества, а не эрудитов”³¹. Во-вторых же и в главных, научный подход к словесности и к истории является специфически немецким подходом: он не согласуется с “гением французской расы”, и это “глубинное несогласие между темпераментами и методами” ведет к интеллектуальной деградации молодежи и к упадку образования в целом³². Самым ярким внешним проявлением этого злоупотребления эрудицией и этого интеллектуального упадка является в глазах Массиса и Тарда “карточечная мания” – “la manie des fiches”: “Всякое изыскание начинается с составления картотеки, и в Сорбонне вас оценивают именно по числу ваших карточек”³³. «Эти “научные” труды вдобавок лишены всякой композиции. По удачному выражению одного школьного преподавателя, соискатель довольствуется тем, что “опорожняет свой ящик с карточками в свою книгу”»³⁴. “Оригинальность, воображение, изобретательность – все эти качества теперь презираемы. Ценность имеют только карточки – именно потому, что карточки безличны, что они в буквальном смысле лишены разума”³⁵. Если классическое образование воспитывало в юношах вкус к сознательному усилию и к умственной сосредоточенности, то культ карточек воспитывает интеллектуальную пассивность и расслабленность: “Расположиться в библиотеке, марать чернилами кусочки бумаги, выкладывать карточки в растущую стопку – какая легкая, сладко-дремотная задача! Выполняя ее, можно даже, кажется, думать о чем-то своем, а не об изучаемом вопросе”³⁶. Фигура ученого-гуманитария, фетишизирующего свою картотеку, поражала воображение французских литераторов этого времени: Массис и Тард ссылаются на “Остров пингвинов” Анатоля Франса (1908), где изображен великий искусствовед Фульгенций Тапир, нашедший свою смерть под лавиной обрушившихся на него карточек³⁷; а Шарль Пеге в тексте 1906 г., озаглавленном “Брюнетьер”, писал о социологах-дюркгеймианцах: “Они безмерно счастливы, они безмерно превосходят нас, грешных. Пока мы, несчастные слабые люди, растрачиваемся, теряемся в наших нескончаемых изысканиях, в наших тяжелых кропотливых геодезических работах, социологу достаточно скопить в старых сигаретных коробках огромные пачки карточек, чтобы держать в своих худых руках тайну всего человечества”³⁸.

При всех прочих расхождениях, и Ласер с Марансом, и Массис с Гардом ставят “новой Сорбонне” один и тот же по своей сути диагноз: подмена обобщающих суждений сбором сырых материалов есть не что иное, как, говоря словами Ласера, систематическое отречение от разума.

8. Насколько значимы были эти полемики для Марка Блока и Люсьена Февра? Они были значимы уже хотя бы с чисто генерационной точки зрения: это были полемики, актуальные для их поколения. Напомним автохарактеристику Марка Блока: «Уже очень рано я почувствовал себя во многих отношениях ближе к выпускам, предшествовавшим моему, чем к тем, что почти сразу следовали за моим. Мои товарищи и я, мы находились в последних рядах тех, кого, я думаю, можно назвать “поколением дела Дрейфуса”. Дальнейший жизненный опыт не опроверг этого ощущения»³⁹. В войну против онаучивания гуманитарного знания были вовлечены люди, родившиеся между 1849 г. (Брюнетьер) и 1886 г. (Массис). Люсьен Февр родился в 1878 г., Марк Блок – в 1886-м.

Но какую позицию в этом противостоянии занимали Февр и Блок? К какому лагерю примыкали? Тут, казалось бы, все ясно: и в том, что касается сути обсуждавшихся проблем (“научность” vs. “художественность” гуманитарного знания), и в том, что касается общественно-политических импликаций полемики (отношение к иностранным влияниям, к социокультурным меньшинствам, к общественному прогрессу) Февр и Блок могли принадлежать и принадлежали только к одному лагерю – лагерю прогрессистов, т.е. сциентистов. Однако такая ясность сохраняется лишь до тех пор, пока мы рассматриваем ситуацию жестко-дихотомически, а это возможно сделать лишь с высоты птичьего полета. В самом деле: при удаленном взгляде на идейную историю Франции последних полутора веков, рассматривая эти полтора века как единый период, мы видим достаточно четкое и, что важно, преемственное размежевание интеллектуального поля по перечисленным выше критериям на “левый” и “правый” лагеря или, точнее, на прогрессистов и традиционалистов⁴⁰. Эта оптика (как и любая оптика) законна постольку, поскольку она адекватна тем или иным конкретным задачам исследования или изложения. Но для ответа на те конкретные вопросы, которые интересуют нас в этой статье, обзор с высоты птичьего полета довольно быстро оказывается недостаточен. Здесь требуется иной уровень рассмотрения – гораздо более приближенный к объекту.

При ближайшем рассмотрении оба вышеописанных лагеря обнаруживают неоднородность и внутреннюю изменчивость. Интеллектуальное поле пережило момент максимальной поляризации и рас-

кола на два консолидированных антагонистических лагеря, но этот момент, связанный с делом Дрейфуса, продолжался недолго – в общем и целом с 1898 по 1902 г. Затем началась дифференциация. Вместо жесткого деления поля на два участка с каждым годом все яснее проявляется некоторый спектр позиций, расположенных между двумя крайними полюсами, но соотносенных между собой по разным классификационным критериям. В результате главная линия размежевания несколько размывается, и при этом картину осложняют дополнительные линии размежевания, частью параллельные главной линии, а частью и инаправленные.

Так, после образовательной реформы 1902 г. от лагеря прогрессистов отпадает Шарль Пеги. Сохраняя верность первоначальным ценностям дрейфусарского движения и потому оставаясь республиканцем и филосемитом, Пеги будет совмещать идеалы социальной справедливости с неприятием прогресса, с национализмом, а затем и с католическим мистицизмом. Пеги оказывается таким образом в промежуточном положении между прогрессистами и традиционалистами, между Дюркгеймом и Моррасом. Иначе говоря, в идейном поле возникала позиция, где взаимно-однозначная связь между антисциентизмом и такими принципами, как антисемитизм и монархизм, оказывалась ослаблена⁴¹. (Заметим, что именно на Пеги, а не на Морраса, ориентировался Массис до 1914 г.)

С другой стороны, в 1903 г. внутри лагеря сциентистов вспыхивает острое межцеховое противостояние социологов и историков. Начатое статьей Франсуа Симиана “Исторический метод и социальная наука”, оно растянется на семь лет и на несколько раундов (в заключительном раунде полемики сойдутся лидеры обеих дисциплин: Сеньобос и Дюркгейм)⁴². Суть этой дискуссии состоит в том, что социологи критикуют историков (в лице прежде всего Ланглуа и Сеньобоса) за недостаточную научность их методологии. Тем самым Ланглуа и Сеньобос оказываются меж двух огней: их атакуют и прогрессисты, и традиционалисты. При этом и сторонники Дюркгейма, и сторонники Морраса, и сторонники Пеги бьют в одни и те же уязвимые места двух историков: все критикуют Ланглуа и Сеньобоса за уход от обобщающих суждений и за боязнь постановки больших проблем. Но одни видят в этих слабостях проявление недостаточного сциентизма историков, а другие – проявление их чрезмерного сциентизма.

Случай с Ланглуа и Сеньобосом – это случай конвергенции сциентистов и антисциентистов в выборе объекта для критики. Но и при выборе объекта для поклонения имела место аналогичная конвергенция двух лагерей. Речь идет о фигуре Фюстеля де Куланжа. Место Фюстеля в истории французского гуманитарного знания – место центральное и совершенно уникальное: Фюстель предвосхищает

самые разные методологические и идеологические тенденции, которые в будущем станут взаимоисключающими: в этом отношении его место, со всеми необходимыми оговорками, можно сопоставить с местом Пушкина в истории русской литературы. Если говорить о противостоянии 1900–1910-х годов, то для прогрессистов была важна жесткая позиция Фюстеля по вопросу о научности истории (история – не искусство, а чистая наука, подобная физике или геологии), тогда как националисты подчеркивали открытый антигерманизм Фюстеля, его верность французской историографической и культурной традиции, его протест против подмены исторических суждений набором ссылок на более или менее далекие контексты, выраженный в полемике с Габриэлем Моно⁴³.

Как видим, взаимно-однозначная связь между научными, идеологическими и политическими опциями⁴⁴ постепенно распадалась. На смену групповой мобилизации, вызванной делом Дрейфуса и требовавшей “пакетного” самоопределения по принципу “или – или”, приходила ситуация мирной сложности, когда набор альтернатив возрастает и самоопределение становится более индивидуализированным. В условиях дифференциации интеллектуального поля Февру и Блоку предлагалось выбирать не между двумя большими лагерями, а между четырьмя–пятью наличными позициями, веер которых шел от одного полюса к другому. Что касается Февра, то его научный выбор известен уже с 1905 г., а выбор политический – с 1907-го. В 1905 г. Февр связывает свое имя с основанным в 1900 г. журналом Анри Берра “Revue de synthèse historique”; при этом в 1907–1909 гг. он публично выступает как воинствующий социалист⁴⁵. В 1912 г. с журналом Берра начинает сотрудничать и Марк Блок; однако, в отличие от Февра, Блок не принимает участия в политической борьбе. Анри Берр был в те годы маргинальной фигурой, и его журнал не контролировался никакими дисциплинарными институтами, никакими политическими объединениями. Главным программным требованием Берра было одно: *история должна играть роль обобщающей науки*⁴⁶. Это означало, что история мыслится всецело в рамках науки, а не искусства; однако при этом полностью отвергаются и узкодисциплинарная замкнутость, и уход от постановки масштабных проблем к накоплению частных фактов. Таким образом, позиция Берра вмещала в себе несколько смыслоразличительных признаков: по признаку сциентизма она противостояла консервативному подходу к истории как к виду изящной словесности, по признаку исследовательского активизма она противостояла бескрылой описательности Ланглуа–Сеньобоса, по признаку междисциплинарной открытости она противостояла цеховой ограниченности как историков, так и социологов. Нетрудно увидеть во всем этом прообраз будущей позиции “Анналов”⁴⁷. Но нам важно подчеркнуть именно то, что подобная

позиция конструировалась в как минимум трехмерном смысловом пространстве. При сведении этого объемного пространства к любой отдельно взятой координатной оси мы получим лишь проекцию этой позиции – проекцию верную, но заведомо ограниченную, а потому заведомо недостаточную.

Эта ситуация мирной сложности возобновится и приобретет еще более акцентированный характер после национальной мобилизации 1914–1918 гг. Открывая в 1919 г. новообразованную кафедру истории Нового времени в Страсбургском университете, Люсьен Февр заявит: “Une histoire qui sert est une histoire servie”⁴⁸. По словам позднейшего историка, “развитие [исторической науки] между Первой и Второй мировыми войнами шло в направлении, которое провозгласил в своей инаугурационной речи Люсьен Февр. [Повсюду] торжествовали профессиональная этика неангажированности, политика аполитизма и отречение от любых мирских страстей – теперь, когда отечество уже вне опасности”⁴⁹. Профессиональной этике неангажированности соответствовал и у Февра, и у Блока совершенно определенный стиль мышления: главными его чертами были непредвзятость и отказ от бинарных классификаций. Идеалом и для Февра, и для Блока является “ум всегда бодрствующий, всегда действующий, неспособный замыкаться в готовых формулах, неспособный оставаться в плену у собственных пристрастий, у собственных предрасудков – зато способный каждую минуту непринужденно адаптироваться к новым и изменяющимся ситуациям”⁵⁰. По отношению к устойчивым бинарным оппозициям этот стиль мышления будет, например, проявляться у Февра в “челночном курсировании от одного полюса к другому”⁵¹, а у Блока – в подчеркнутом стремлении отбрасывать стоящие на пути историка антиномические дилеммы как неадекватные рассматриваемому предмету. В “Апологии истории” Блок последовательно, одну за другой, отмечает следующие антитезы: между дюркгеймианцами и Ланглуа–Сеньобосом (с. 12–13); между наукой и искусством (с. 18); между замыканием в прошлом и замыканием в современности (с. 24–25); между ориентацией на специалистов и ориентацией на широкую публику (с. 50–52), между сходством подтверждающим и сходством опровергающим (с. 66)⁵². Ощущение устарелости статических бинарных оппозиций связывалось в сознании Февра и Блока с изменением “умственной атмосферы времени”, вызванным революционными достижениями точных наук⁵³.

9. Итак, пассаж об эрудитах и порядочных людях отражает общую для Блока и Февра волю к преодолению бинарных классификаций. Он отражает и стремление Блока прочно легитимировать историческую науку в глазах общества – стремление, связывающее

воедино амьенскую речь 1914 г. и “Апологию истории”. Он отражает и постоянное нежелание Блока мириться с претензиями правых радикалов на монопольное владение частью духовного наследия французской нации⁵⁴. Но, кроме того, он отражает и многолетнее напряжение в отношениях между Блоком и Февром. Взаимное недовольство, обострявшееся по разным поводам, очень редко выражалось публично, но оно многократно выплескивалось на страницы частной переписки Февра и Блока – переписки как друг с другом, так и с третьими лицами⁵⁵.

На базовое согласие в программных и методологических вопросах, существовавшее между Блоком и Февром, с самого начала наплаивалась разница характеров, профессиональных траекторий и связей, научных интересов и предпочтений. О различиях в интеллектуальной генеалогии Февра и Блока наглядное (хотя и условное) представление дают две таблицы. Первая – составленное самим Люсьеном Февром “генеалогическое дерево”, озаглавленное “Мои авторы, мои отцы и мои спутники”. Вторая – недавно составленная Петером Шётлером по подобию таблицы Февра таблица интеллектуальных связей Марка Блока⁵⁶. Из 36 имен и названий, фигурирующих в “генеалогическом древе” Блока, лишь 14 имен и названий встречается также в “генеалогии” Февра. Среди всех обнаруживающихся расхождений главными для нас являются следующие: Фюстель и Дюркгейм присутствуют у Блока, но отсутствуют у Февра, а Мишле присутствует у Февра в выделенной, центральной позиции, тогда как у Блока он фигурирует в одном ряду с тремя другими историками XVIII–XIX вв.

Выбор между Фюстелем и Мишле был диагностически значимым. Еще с конца XIX в. в сознании французских историков Фюстель и Мишле образовывали антитегическую пару: научная сухость Фюстеля противопоставлялась лирической взволнованности Мишле. За этим внешним стилистическим расхождением стояла противоположность темпераментов, политических убеждений и ценностных систем: фигура Мишле воплощала собой романтический прогрессизм, фигура Фюстеля – классицистический консерватизм. Именно эта ценностная антитеза являлась решающей для “Action française”: исходя из мировоззренческого критерия, Моррас и его сторонники поклонялись Фюстелю и ненавидели Мишле. Но для Февра и Блока стилистический контраст между Фюстелем и Мишле выражал, судя по всему, не политические, а внутрипрофессиональные смыслы. Речь шла, во-первых, о выборе определенной исследовательской проблематики, а во-вторых – о выборе между свободой и несвободой проявления авторского начала в историческом исследовании. В этой статье мы затронем лишь второй из двух названных аспектов.

Первое же пересечение путей Блока и Февра произошло под знаком выбора между Фюстелем и Мишле. В 1914 г. Блок напечатал в “Revue de synthèse historique” рецензию на книгу Февра “История Франш-Конте”. Подчеркнув такие несомненные достоинства книги, как точность и научная добросовестность, Блок тем не менее высказал в изящной форме свою неполную удовлетворенность авторским стилем Февра: “Кажется, г-н Февр является более прилежным читателем Мишле, чем Фюстеля де Куланжа”. Блок не скрыл, что предпочел бы увидеть книгу, написанную “более спокойным, более строгим стилем” (“un style plus calme, plus châtié”)⁵⁷. Это стилистическое расхождение сохранится и после Первой мировой войны, когда Блок и Февр станут друзьями и соратниками. Оба будут стремиться разомкнуть историческую науку навстречу жизни, но один будет стараться сделать эту науку более безлично-строгой, а другой – более лично-окрашенной.

В начале 1920-х годов Февр приобщает Блока к своему плану создания журнала; они вырабатывают совместную позицию по этому вопросу. Одним из принципиальных пунктов их программы является отношение будущего журнала к эрудитскому знанию. Когда они излагают суть своего проекта другим ученым, они делают это в почти одинаковых терминах.

Сравним две цитаты.

7 февраля 1922 г. Февр пишет Анри Пиренну: «Мы не хотим делать чисто эрудитский сухой журнал, предназначенный любителям росписи по карточкам, – мы хотим сделать хорошо информирующий журнал, который можно читать и который дает информацию для размышления не только узко понимаемым “специалистам” по “экономической” истории, но и всем историкам – и, шире, всем интересующимся интеллектуальной жизнью, как бы они ни прозывались – социологами, философами, правоведами или экономистами»⁵⁸.

18 января 1929 г. Блок пишет Марселю Моссу: «Мы не хотим делать всего лишь мелкий эрудитский – в пошлом смысле слова – журнальчик; разумеется, мы хотим сделать его серьезным, исключаящим всякий журнализм, но при этом мы хотим, чтобы он охватывал очень широкое поле, все прошлое (включая сюда первобытные народы) и все настоящее, причем сами слова “экономическая” и “социальная” должны пониматься широко»⁵⁹.

Февр первоначально хотел сфокусировать журнал на проблемах *экономической* истории; для Блока же было важно включить в титульный круг интересов журнала историю *социальную*⁶⁰. В остальном, казалось бы, их установочки тождественны. И все же можно заметить некоторые малозначительные, на первый взгляд, нюансы. Блок характеризует отвергаемую ими обоими эрудицию отвлеченно: “эрудиция в пошлом смысле слова”. Эта формула подразумевает раз-

личение между “плохой” и “хорошей” эрудицией. Февр же отвергает эрудицию безо всяких ограничительных оговорок. При этом он дает конкретную и наглядную характеристику: он вводит образ “любителей росписи по карточкам”. Эта безоговорочность и эта персонификация свидетельствуют, как нам кажется, о большей эмоциональной вовлеченности Февра в конфликт с эрудитами, о более сильном отторжении объекта. Образ любителя карточек будет неоднократно всплывать у Февра в уничижительном контексте. В 1935 г., в рецензии, озаглавленной “Знание или исследование?”, Февр пишет: “Я не собираюсь выискивать в этой книге мелкие неточности. Как хорошо известно и в этом журнале, и в других местах, подобный подход не в моем вкусе. Опорожнить картотечный ящик в подстрочные примечания – эта ярмарочная забава никогда меня не прельщала”⁶¹. В 1946 г. в манифесте “Лицом к ветру” он вспоминает франковского Фульгенция Тапира⁶². Наконец, в 1956 г. он будет противопоставлять накопителям карточек фигуру самого Марка Блока⁶³.

И еще одна деталь в письме Февра Пиренну заслуживает отдельного внимания: Февр хочет сделать такой журнал, который “можно читать”. Эта установка на “читабельность”, как мы увидим, принципиальна для Февра. Блок же не говорит о “читабельности” ни слова – зато он подчеркивает, что их журнал должен исключать “всякий журнализм”.

За четыре месяца до того, как Блок отправил Моссу свое письмо, приглашавшее Мосса сотрудничать с “Анналами”, Февр отправил письмо аналогичного содержания своему блестящему бывшему однокурснику, выдающемуся экономисту и политическому деятелю Альберу Тома. Тома был председателем созданного по Версальскому договору Международного бюро труда (будущей Международной организации труда). Он быстро откликнулся на письмо Февра. 21 сентября 1928 г. в ответном благодарственном письме Февр пишет Альберу Тома: «Я сохраняю надежду, что наши “Анналы” приобретут некоторую известность. Я всегда буду бороться за то, чтобы они были *читабельны* и чтобы они не донимали *порядочных людей* сообщениями обо всех доселе неведомых предшественниках меркантилизма, которые еще будут обнаружены к вящей радости соискателей агрегации по правоведению»⁶⁴.

Итак, требование “читабельности” и отказ ориентироваться на “эрудитов” открыто увязывается здесь Февром с ориентацией на “порядочных людей”.

Через год Февр пишет Альберу Тома еще более любопытное письмо. Послав своему другу первые три номера нового журнала, он обращается к нему с просьбой: «Выскажи мне все плохое, что ты думаешь об “Анналах”». И продолжает: «Сказать тут можно многое – я это знаю. Это еще не тот живой журнал, о котором я мечтаю.

Мой со-директор – в высшей степени историк и в высшей степени эрудит. Я предоставил ему свободу действий, – может быть, несколько чрезмерную свободу. Я приезжал в Париж именно для того, чтобы найти возможности сделать журнал гораздо более “актуальным” и живым»⁶⁵.

Иными словами, по мнению Февра, начиная с первых же номеров Блок тянет “Анналы” в сторону специальных вопросов и отпугивает от журнала читательскую аудиторию “порядочных людей”. Более того: Февр аттестует самого Блока как “в высшей степени эрудита”. Вся суть этой характеристики именно в том, что она *может* прочитываться как хвалебная, но *должна* прочитываться как неодобрительная.

Мы не знаем, насколько откровенно выразил Февр самому Блоку в 1929 г. то недовольство, которым он поделился с Альбером Тома. Но восемь лет спустя он высказывает Блоку те же самые претензии в достаточно прямых выражениях. В мае 1938 г. он пишет Блоку о накопившейся неудовлетворенности – и подчеркивает, что не все проблемы в их взаимоотношениях могут быть списаны на разницу темпераментов. «Дело здесь не только в психологии. В основе своей, как историк Вы больший эрудит, чем я. Я имею в виду, что Вы более чувствительны к некоторым техническим качествам статьи или работы, а также к важности добавления неких новых фактов. Вероятно, это проистекает попросту из того обстоятельства (замечательна здесь эта ссылка на обстоятельства, призванная как бы “смягчить тяжесть обвинений”! – С.К.), что Вы начинали как медиевист. Между тем, очевидно, что в “Анналах” возрастает доля эрудитских статей с ближним радиусом действия (Вы понимаете, что под “статьями” я имею в виду всю совокупность материалов, которые Вы печатаете, включая сюда и рецензии)»⁶⁶.

На упреки, содержащиеся в этом и в последующем письмах Февра, Блок ответил Февру в своем письме от 22 июня 1938 г. “Не обзывайте меня презренным эрудитом, равно как и пошлым конформистом”, – пишет он. – “Я полагаю, что я – *honnête érudit*, как и Вы. Я стараюсь быть чем-то еще, оставаясь в основе своей все тем же *honnête érudit*. И я всегда буду преследовать с равной силой (...) и праздную эрудицию, которая есть глупость, и псевдо-озарения псевдо-идеями, которые суть галлюцинации (или же лень)”⁶⁷.

“*Honnête érudit*”... Как это перевести? Это, очевидно, и “честный эрудит”, и “добросовестный эрудит”, но и нечто большее. Это эрудит, сохраняющий способность быть “*honnête homme* в старом смысле слова”, т.е. быть человеком хотя бы отчасти универсальным. Здесь стоит вспомнить еще один пассаж из “Апологии истории” – воспоминание Блока о прогулке с Анри Пиренном по Стокгольму: «Однажды я сопровождал в Стокгольм Анри Пиренна. Едва мы при-

были в город, он сказал: “Что мы посмотрим в первую очередь? Здесь, кажется, выстроено новое здание ратуши. Начнем с него”. Затем, как бы предупреждая мое удивление, добавил: “Будь я антикваром, я смотрел бы только старину. Но я историк. Поэтому я люблю жизнь”. Способность к восприятию живого – поистине главное качество историка. Пусть не вводит нас в заблуждение некоторая холодность стиля – этой способностью (т.е. способностью к восприятию живого. – С.К.) отличались самые великие среди нас: Фюстель, Мэтланд, каждый на свой лад (эти были более строгими), не менее, чем Мишле. (...) Но эрудит, которому неинтересно смотреть вокруг себя на людей, на вещи и события, сможет, вероятно, заслужить, чтобы его, пользуясь словом Пиренна, назвали полезным антикваром. От звания историка ему лучше отказаться»⁶⁸.

Пиренн был абсолютным образцом историка и для Февра, и для Блока. Образцом и в профессиональном, и в человеческом отношении: Пиренн был знаменит своей общительностью, своим даром собеседника – короче, своей открытостью миру⁶⁹. “Эрудит, открытый миру” – возможно, такая формула точнее всего передает тот смысл, который Блок вложил в свое выражение “un honnête érudit”. Два понятия, которые в дискуссиях конца XIX – начала XX в., как мы видели, были нередко противопоставлены, оказываются сведены Блоком воедино. И хотя в другом месте Блок признавал, что “универсальность Пиренна – это не тот образец, который можно с чистой совестью предложить для подражания кому угодно”⁷⁰, для него самого и для Февра этот образец был реально существующим и актуальным. Выражение “un honnête érudit” сопрягало друг с другом признаки, редко сочетающиеся, но не взаимоисключающие. Оно не было для Блока оксюмороном.

Таким образом, Блок, в отличие от Февра, неоднократно подчеркивает различие между двумя разновидностями эрудиции. Первая разновидность – эрудиция, сосредоточенная на себе самой: это “праздная эрудиция”, “эрудиция в пошлом смысле слова”, ее носитель – “презренный эрудит”, он же “антиквар” (впрочем, Блок особо оговаривает право антикварных разысканий на существование: они могут быть сочтены “полезными”). Вторая разновидность – эрудиция, подчиненная интересу к окружающей жизни: ее носитель – “honnête érudit”, он же “историк”.

Очень важна в ответе Блока Февру короткая фраза: “Tout comme vous” – “Как и Вы”. Это отнюдь не просто дань вежливости, не стремление уйти от неудобной ситуации самовосхваления. Смысл этой фразы – не “Вы ничуть не хуже меня” и даже не “Вы ничуть не лучше меня”. Смысл здесь другой: “Я ничуть не хуже Вас”. Блок фактически говорит Февру: “Мы разделяем с вами общую для нас обоих шкалу ценностей, и по этой шкале я ни в чем вам не уступаю”. Для

понимания того, что именно осталось недосказанным в ответе Блока Февру, много дает все тот же пассаж о Пиренне из “Апологии истории”, процитированный нами выше. Блок там призывает различать два качества, которые слишком часто воспринимаются как взаимосвязанные: закрытость от окружающей жизни и “холодность стиля”. И тут возникает антитеза, посредством которой Блок еще в 1912 г. описывал свое расхождение с Февром: антитеза “Фюстель – Мишле”. Говоря: “Фюстель ничуть не больший антиквар, чем Мишле”, Блок тем самым подразумевает *pro domo sua*: “А я ничуть не больший антиквар, чем Февр”.

Для Февра “читабельность”, “обращенность к порядочным людям”, да и вообще “проблематизирующая история” ассоциировались не в последнюю очередь с открытым звучанием авторского голоса в историческом исследовании. Безличный тон категорически не устраивал Февра. Блок же был сторонником стилистики, которую он сам именует “строгой” (“*châtiée*”), “аскетичной” (“*austère*”), “холодной” (“*froide*”), – той стилистики, которая была более свойственна ему самому. Но, по мнению Блока, этот “холодный” стиль сам по себе несколько не отдалял историка от “порядочных людей”, несколько не превращал автора в “презренного эрудита”.

22 июня 1939 г. – ровно через год после ответа Блока на упреки Февра – ответственный секретарь созданного Анри Берром Международного центра синтеза Андре Толедано послал Блоку на визирование предварительные варианты двух рекламных аннотаций (длинной и короткой) к книге Блока “Феодальное общество”, которая вот-вот должна была выйти в основанной и редактировавшейся Берром книжной серии “Эволюция человечества”. Длинная аннотация, состоявшая в варианте Толедано из пяти абзацев, давала общую характеристику книги и сжатое резюме ее содержания. Блок внес в текст длинной аннотации целый ряд изменений и, в частности, вписал перед заключительной, ударной фразой еще два абзаца. Эти два абзаца (в тексте Блока – четвертый и пятый) интересны тем, что являются собой законченную автохарактеристику Блока как историка. Они гласят: “Культивируя в науке абсолютную честность, он (Блок. – С.К.) не боится указывать по ходу рассуждений на пробелы в наших знаниях. Историк в полном смысле слова, он соединяет в себе эрудита с социологом и психологом. Имея большой опыт в применении сравнительного метода, он постоянно сопоставляет эволюцию разных стран и регионов, чтобы сопоставлениями высветить специфику каждого из этих эволюционных путей.

В высшей степени надежные научные знания он сумел изложить ясным, чеканным и строгим в своей полновесности языком”⁷¹.

В предварительном варианте аннотации о языке исследования не говорилось ни слова. Для Блока оказалось принципиально важным

публично охарактеризовать свой авторский язык и вынести эту характеристику в отдельный абзац. Абзац этот, состоящий из одной фразы, представляет собой, если угодно, микроэпологию того авторского стиля, который отстаивался Блоком в скрытой полемике с Февром. Все ранее упоминавшиеся признаки этого стиля получили здесь подчеркнуто-положительную коннотацию: “строгость” обернулась “строгой полновесностью”, “аскетичность” – “чеканностью”, “холодность” – “ясностью”. В целом же данная Блоком характеристика этого стиля недвусмысленно отсылает к ценностям французской классической традиции – той самой традиции, которая изобрела понятие “порядочного человека”. Стилистическое расхождение Февра с Блоком предстает у Блока не как расхождение “историка” с “презренным эрудитом”, а как расхождение романтика с классиком.

В контексте скрытой полемики Блока с Февром рассуждение о “порядочных людях” и “эрудитах” из третьей главы “Апологии истории” оказывается и декларативным подтверждением изначальной системы установок, единой для обоих историков, и финальным жестом несогласия с попытками Февра обвинить Блока в “грехе эрудитства”.

10. В заключение еще раз бросим взгляд на ситуацию “с высоты птичьего полета”.

Вспомним фразу из процитированного выше письма Блока Февру: “⟨...⟩ я всегда буду преследовать с равной силой ⟨...⟩ и праздную эрудицию, которая есть глупость, и псевдо-озарения псевдо-идеями, которые суть галлюцинации (или же лень)”.

Эта фраза прямо предвосхищает концептуальную конструкцию, которую Блок будет строить в комментируемом нами пассаже из третьей главы “Апологии истории”. Позиция, с которой Блок будет отождествлять себя в “Апологии истории”, равно будет противостоять и “праздной эрудиции” (или, как пишет Блок в “Апологии истории”, “праздному педантизму”), и легкодоступной догматике “мнимой истории”, примерами которой в “Апологии истории” выступят Моррас, Бенвиль и Плеханов. Моррас и Бенвиль, как известно, были рупорами “Action française”. Таким образом, именно “Action française” (наряду с вульгарным марксизмом) будет репрезентировать в тексте “Апологии истории” “псевдо-озарения псевдо-идеями”.

Любопытным образом эта трехчленная конструкция, намеченная Блоком в письме Февру и развитая в “Апологии истории”, в точности воспроизводит систему ценностей, декларировавшуюся Моррасом и его сторонниками. Клер-Франсуа Бонпер-Эвек описала эту систему ценностей так: “Между сырой эрудицией и тенденциозно-мифологическими построениями есть место для строгой и рациональной истории; именно такая история и является идеалом для

“Action française”. Верный путь для исторической науки, согласно “Action française”, был указан Фюстелем де Куланжем⁷².

Мы уже могли убедиться ранее, что существуют многочисленные параллели между ценностными установками Блока и Февра, с одной стороны, и требованиями, которые предъявлялись к исторической науке авторами из правого лагеря, – с другой. Но здесь перед нами уже не схождение отдельных оценок или лозунгов; здесь перед нами – структурный параллелизм. Как истолковать его? Как несущественную случайность? Или как идейное родство?

На “поразительные схождения” между позицией “Action française” по отношению к Ланглуа и Сеньобосу и позицией “школы Анналов” по отношению к Сеньобосу указывал в 1983 г. Жан Капо де Киссак (о праворадикальных симпатиях которого говорилось выше)⁷³. Он проявил, однако, в своей статье большую осторожность, воздержавшись от каких-либо выводов и предоставив читателю самому судить о причине этих “поразительных схождений”.

Сегодня мы вряд ли можем удовлетвориться такой недосказанностью. Соотношение позиции “Action française” с позицией “Анналов” по вопросам развития исторической науки истолковывается, на наш взгляд, довольно просто. Это соотношение “вызов – ответ”. В борьбе “Action française” с позитивистской историографией проявились, как нам кажется, родовые свойства праворадикальных идеологий: чуткость и неконструктивность. Способность раньше и острее других ставить реальные, но болезненные или “неудобные” вопросы – и неспособность предложить практическое решение этих вопросов, продуктивное в долгосрочной перспективе⁷⁴. Это же мы наблюдаем и в случае, рассмотренном выше. Праворадикальные критики смогли точно увидеть слабые места позитивизма, отчасти даже смогли провозгласить верное направление выхода из кризиса (“путь синтеза”, “путь Фюстеля де Куланжа”), но предложенный рецепт был чрезмерно общим и остался благим пожеланием: на практике правые радикалы не смогли выработать ничего плодотворного взамен. Плодотворные выходы из наметившегося тупика были найдены не врагами современности, а ее союзниками: наследниками самих позитивистов. В сфере исторической науки такими наследниками были Блок и Февр. Школа “Анналов” стала ответом на вопросы, первоначально сформулированные в ходе борьбы правого лагеря с “новой Сорбонной”.

¹ Bloch M. Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien / Ed. critique préparée par E. Bloch, préface de J. Le Goff. P., 1993. Текст этого издания воспроизведен и в новейшем собрании сочинений Марка Блока: Bloch M. L'Histoire, la Guerre, la Résistance / Ed. établie par A. Becker et E. Bloch. P., 2006 (Collection “Quarto”). В дальнейшем ссылки на французский текст “Апологии истории” приводятся по этому последнему изданию.

- ² *Noiriel G.* Savoir, mémoire, pouvoir: contribution à une réflexion “pragmatiste” sur l’histoire // *Noiriel G.* Sur la crise de l’histoire [2me éd.]. P., 2005. P. 219–220.
- ³ *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд. / Пер. Е.М. Лысенко, статья и примеч. А.Я. Гуревича. М., 1986. С. 51. В оригинале: “Surtout, le besoin critique n’a pas encore réussi à conquérir pleinement cette opinion des honnêtes gens (au sens ancien du terme) dont l’assentiment, nécessaire sans doute à l’hygiène morale de toute science, est plus particulièrement indispensable à la nôtre. Ayant les hommes pour objet d’étude, comment, si les hommes manquent à nous comprendre, n’aurions-nous pas le sentiment de n’accomplir qu’à demi notre mission?” (*Bloch M.* L’Histoire... P. 910).
- ⁴ О понятии “honnête homme” см. старую, но до сих пор не вполне утратившую свое значение обширную сводку материала: *Magendie M.* La politesse mondaine et les théories de l’honnêteté en France au XVIIe siècle, de 1600 à 1660: In 2 vol. P., 1925, а также ряд работ последнего тридцатилетия, из которых упомянем важнейшие: *Gordon D.* Citizens without Sovereignty: Equality and Sociability in French Thought, 1670–1789. Princeton, 1994; *Montandon A.* Modèles de comportement social // Pour une histoire des traités de savoir-vivre en Europe. Clermont-Ferrand, 1995. P. 401–455; *Bury E.* Littérature et politesse: L’invention de l’honnête homme (1580–1750). P., 1996.
- ⁵ *Dumoulin O.* Marc Bloch. P., 2000. P. 290.
- ⁶ *Bloch M.* Critique historique et critique du témoignage // *Bloch M.* L’Histoire... P. 100.
- ⁷ *Capot de Quissac J.* L’Action Française à l’assaut de la Sorbonne historique // Au berceau des “Annales” / Sous la dir. de Ch.-O. Carbonell et G. Livet. Toulouse, 1983. P. 139–191; *Lepenies W.* Die drei Kulturen: Soziologie zwischen Literatur und Wissenschaft. München, 1985; *Bompaire-Evesque C.-F.* Un débat sur l’Université au temps de la Troisième République: La lutte contre la Nouvelle Sorbonne. P., 1988; *Sapiro G.* Défense et illustration de “l’honnête homme”: Les hommes de lettres contre la sociologie // Actes de la recherche en sciences sociales. 2004. N 153. P. 11–27.
- ⁸ См.: *Daeninckx D.* La réhabilitation des nazi-onalistes bretons de 1943 à la fac de Toulouse // www.amnistia.net/news/enquetes/membret/membret.htm; *Eussner G.* Die Zukunft des Front National: Nachfolge- und Dynastieprobleme im Hause Le Pen // www.eussner.net/artikel_2005-09-08_11-33-00.html, Fussnote 12.
- ⁹ *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 46 (пер. А.Б. Гофмана, курсив наш). В оригинале: “Nous avons passé le temps où l’homme parfait nous paraissait être celui qui, sachant s’intéresser à tout sans s’attacher exclusivement à rien, capable de tout goûter et de tout comprendre, trouvait moyen de réunir et de condenser en lui ce qu’il y avait de plus exquis dans la civilisation. Aujourd’hui, cette *culture générale*, tant vantée jadis, ne nous fait plus l’effet que d’une discipline molle et relâchée. (...) *L’honnête homme d’autrefois* n’est plus pour nous qu’un dilettante, et nous refusons au dilettantisme toute valeur morale; nous voyons bien plutôt la perfection dans l’homme compétent qui cherche, non à être complet, mais à produire, qui a une tâche délimitée et qui s’y consacre, qui fait son service, trace son sillon” (*Durkheim E.* De la division du travail social. P., 1991. P. 4–5. Курсив наш).
- ¹⁰ *Дюркгейм Э.* Указ. соч. С. 299. Пер. А.Б. Гофмана, с изменением. В оригинале: “Que l’on compare (...) l’honnête homme du XVIIe siècle avec son esprit ouvert et peu garni, et le savant moderne, armé de toutes les pratiques, de toutes les connaissances nécessaires à la science qu’il cultive (...); et l’on jugera de l’importance et de la variété des combinaisons qui se sont peu à peu superposées au fonds primitif” (*Durkheim E.* Op. cit. P. 308).

- ¹¹ *Lavisse E.* Souvenirs d'une éducation manquée // *L' éducation de la démocratie.* P., 1903. P. 23–24. В оригинале: «L' idéal des éducateurs du XVIIe siècle était simple et pouvait l'être. (...) A l' homme de ce temps-là suffisaient les “humanités”, comme on les entendait, c'est-à-dire l' étude esthétique et morale des grands écrivains, ayant pour fin de former l' “honnête homme”, ce qui signifiait ou à peu près, l' homme comme il faut».
- ¹² *Brunetière F.* Éducation et Instruction. P., 1895. P. 47–49 (примеч.), 47–53 (основной текст). Перевод наш. Курсив автора. В оригинале: «[Примеч. [1]]: C'est ici la part de nos érudits dans la désorganisation de l' instruction publique. Au lieu de “l' honnête homme” que l' ancienne éducation se proposait de former; à qui ses maîtres s' efforçaient de donner “des clartés de tout”; qui ne mettait point d' “enseigne”; et qui, grâce à cette espèce d' universalité même, ne se trouvait inégal à aucune des situations où les hasards de la vie les plaçaient, les érudits se sont donné pour objet de former de prétendus “spécialistes”, qui n' en sont point, parce que l' on ne saurait être un spécialiste à vingt ans ni même à vingt-cinq, mais qui portent des oeillères et d' ailleurs, pour s' être imposé de ne regarder que droit devant eux, n' en voient ni plus loin, ni même, si je l' ose dire, plus droit. C' est que, je ne sais comment, ils ont confondu les idées générales avec les idées communes ou les idées banales, lesquelles en diffèrent autant, selon le mot de Pascal, que le chien, constellation céleste, diffère du chien, animal aboyant.

Mais s' ils voulaient savoir ce que c' est qu' une idée générale, ce n' est pas à un professeur de rhétorique ou à un philosophe de profession que je les renverrais, c' est à un savant, c' est à Claude Bernard et à son “Introduction à la Médecine expérimentale”, un livre que je ne me repens pas d' avoir comparé au “Discours de la Méthode” et qui, dans le secret des laboratoires, n' a certainement pas exercé moins d' influence que l' opusculé de Descartes sur la direction de la pensée de son temps.

On connaît le mot du grand physiologiste à l' un de ses élèves qui lui soumettait une consciencieuse et savante monographie de je ne sais quel animal. “Voilà qui va bien, lui disait-il, et ce travail vous fait le plus grand honneur! Mais, je vous prie, qu' en resterait-il si par hasard l' animal que vous y avez étudié n' existait pas?” Je voudrais qu' on inscrivît la devise au fronton de nos établissements d' instruction secondaire. (...) [Конец примеч. 1]. [Основной текст:] Ils les confondent avec les idées vagues ou banales; et ils ne voient pas que tous, tant que nous sommes, c' est par les idées générales que nous sortons de nous-mêmes (...) C' est grâce à elles que nos idées particulières, – celles que nous tenons de notre hérédité, celles que nous tirons de notre expérience, – réussissent à s' ordonner, et comme à s' organiser en une vivante conception de notre temps, de l' homme et du monde. (...) C' est par elles enfin que nous communiquons les uns avec les autres, et en ce sens il faut convenir qu' elles sont le lien de la société. Nos idées particulières nous divisent; nos idées générales nous rapprochent et nous réunissent. (...) nos idées générales, c' est ce qu' il y a de vraiment humain en nous, et, par conséquent, c' est en nous ce qu' il y a de vraiment social”.

- ¹³ См. об этом новейшую биографию Дюркгейма: *Fournier M.* Emile Durkheim (1858–1917). P., 2007. P. 184–189, 192–195.
- ¹⁴ *Fouillée A.* Les études classiques et la démocratie. P., 1898.
- ¹⁵ Выдающийся литературный критик первой половины XX в. Альбер Тибоде называл этот скандал “увертурой (в музыкальном смысле) к делу Дрейфуса”. См.: *Thibaudet A.* Pour l' histoire du Parti intellectuel // *Thibaudet A.* Réflexions sur la politique, P., 2007. P. 499.
- ¹⁶ В целом о жизни и об идейной позиции Брюнетьера см. богатую материалом книгу Антуана Компаньона: *Compagnon A.* Connaissez-vous Brunetière? Enquête

sur un antireyfusard et ses amis. P., 1997. О статье “После суда” и о полемике Дюркгейма с Брюнетьером см.: *Fournier M.* Op. cit. P. 375–379.

- ¹⁷ *Lasserre P. [et Marans R. de.]*. La doctrine officielle de l'Université: Critique du Haut Enseignement de l'Etat. Défense et théorie des humanités classiques. P., 1912. P. 29–31. Перевод наш. В оригинале: «On a honte de relever dans la bouche du directeur de l'École normale supérieure de tels abus du langage. (...) l'honnête homme du XVIIe siècle, il en fait “l'homme comme il faut”, un type tout superficiel et purement mondain dans son agrément. Et il lance cette définition comme si elle répondait à une des évidences ou des banalités de l'histoire. (...) Mais un professeur de Sorbonne ne s'inclinera-t-il pas devant des textes, même notoires et à la portée de chacun? Le type de l'honnête homme a été fréquemment défini par les écrivains du temps, et tous, Pascal, Molière, La Bruyère notamment, lui ont prêté des traits où le sérieux, la vigueur et la dignité se mêlent à la grâce, à la liberté et à l'aisance, mais de telle manière que ces deux ordres de qualités contiennent comme la garantie l'un de l'autre: la véritable étendue de l'esprit et la véritable possession du savoir se distinguant nécessairement du pédantisme par une certaine grâce, tout comme la grâce naturelle se distingue de l'affectation par un certain sérieux”.
- ¹⁸ См. об этом: *Fournier M.* Op. cit. P. 719–757 (chap. 22, “Le Régent de la Sorbonne”). Выражение “регент Сорбонны” принадлежит Массису и Тарду: *Agathon. L'Esprit de la Nouvelle Sorbonne.* P., 1911. P. 98.
- ¹⁹ *Lasserre P. [et Marans R. de.]*. Op. cit. P. 190. В оригинале: “C'est ainsi qu'ayant discrédité sans aucune peine, bien qu'à grand renfort d'abstractions, ce qui était tout discrédité déjà: le dilettantisme de l'amateur, il identifie par un mécanisme de jeux de mots le dilettantisme et la culture générale (qui en est au fond le contraire). Sa dialectique verbale enveloppe celle-ci dans la condamnation de celui-là. (...) Or, la culture générale était par essence une culture commune, le fruit d'une discipline commune imposée aux esprits. Ce qui se doit dire d'elle ne devra-t-il pas dès lors se dire plus généralement de toute formation ou éducation ayant pour objet de nourrir les membres d'une société d'un certain fonds de principes, affections, croyances et sentiments communs?”
- ²⁰ *Ibid.* P. 477–478. В оригинале: “Elle [la Sorbonne] a identifié culture générale et dilettantisme, ces deux contraires, et prétendu envelopper l'une dans le juste discrédit de l'autre. Elle n'a plus admis, non seulement comme but des travaux intellectuels, mais comme moyen d'enseignement et instrument pédagogique, que l'accumulation brute et aveugle des matériaux. La position philosophique, historique et critique de la Sorbonne réformée se définit d'un mot. C'est l'abdication systématique de l'intelligence”.
- ²¹ *Ibid.* P. 489. В оригинале: “la prépondérance de l'élément juif et surtout de l'élément protestant dans la haute Université”, “un scandale moral”, «un gros fait essentiellement lié à l'entreprise menée au nom de la “démocratie” contre la culture intellectuelle».
- ²² *Agathon.* Op. cit. P. 70. Курсив авторов. В оригинале: “ Au vrai, c'est à l'idéal classique que s'en prennent nos réformateurs: ils ne visent à rien de moins qu'à le remplacer par un modèle intellectuel nouveau. Et c'est précisément ce qui fait la gravité de ce débat et pourquoi il convenait d'y intéresser le grand public. (...) L'idéal qu'on nous impose, c'est la *spécialisation*, obligatoire dès le collège, poursuivie à la Faculté”.
- ²³ *Ibid.* P. 79. В оригинале: “Les sciences n'avancent que par les idées nouvelles et par la puissance créatrice ou originale de la pensée”. Массис и Тард цитируют 5-й параграф 3-й главы 3-й части “Введения в экспериментальную медицину”.
- ²⁴ *Ibid.* P. 160–161. В оригинале: “Quant à parler de dilettantisme, c'est là un simple procédé de polémique. Le dilettantisme est une maladie de la volonté, une impuissance pratique à se fixer (...) Confondre le dilettantisme avec la culture classique, cette discipline de l'effort, c'est vraiment commettre un contre-sens grossier”.

- ²⁵ Ласер щепетильно оговорил авторство Маранса в трех справках, помещенных в начале книги, в ее конце и непосредственно перед разделом “История”. По своей специальности Рене де Маранс был историком права, он принадлежал к левому, синдикалистскому крылу “Action française”; о Марансе см., например: *Mazgaj P. The Action Française and Revolutionary Syndicalism. Chapel Hill, 1979. P. 31–33* и по указателю.
- ²⁶ *Lasserre P. [et Marans R. de.] Op. cit. P. 335–336.* В оригинале: “On donnerait une idée assez juste de la nouvelle conception de l’Histoire, en disant qu’elle repose essentiellement sur une confusion de l’érudition et de l’histoire. Oeuvre d’hommes qui n’ont point les grandes qualités qui font l’historien, qui n’ont point, non plus, la modestie et la sévère dignité de l’érudit mais qui veulent être à la fois l’un et l’autre sans distinguer ni, à plus forte raison hiérarchiser ce qui revient à l’un et à l’autre, elle aboutit à la ruine de la véritable érudition comme de la véritable histoire (...)”.
- ²⁷ См.: *Momigliano A. Ancient History and the Antiquarian // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1950. Vol. 13. P. 285–315; Idem. The Rise of Antiquarian Research // Momigliano A. The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley; Los Angeles, 1990. P. 54–79.* Ср. также характеристику отношений между историей и эрудицией в учебнике Ланглуа–Сеньобоса: *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. 2-е изд. М., 2004. С. 120–142.*
- ²⁸ *Lasserre P. [et Marans R. de.] Op. cit. P. 474.* Курсив наш. В оригинале: “Les barbares de la Sorbonne (Faculté des Lettres) ont été à plusieurs reprises resumés sous ces termes: de l’érudition sans pensée. Nous nous sommes gardé de dire comme d’autres: excès ou abus de l’érudition”.
- ²⁹ *Agathon. Op. cit. P. 17.* В оригинале: “(...) l’abus de l’érudition, des commentaires, des gloses et des spécialités porte déjà ses fruits”.
- ³⁰ Более подробный сопоставительный анализ мировоззрения сторонников “Action française”, с одной стороны, и Массиса–Тарда, с другой, см. в: *Вомпайре-Евеске С.-Ф. Op. cit. P. 113–115, 122–134.*
- ³¹ *Ibid. P. 14–15.* В оригинале: “(...) la Sorbonne (...) a pour rôle de former des professeurs, des éducateurs de jeunesse et non des érudits”.
- ³² *Ibid. P. 16–17.*
- ³³ *Ibid. P. 38.* В оригинале: “Toute recherche commence par une collection des fiches et c’est au nombre de vos fiches que l’on vous apprécie à la Sorbonne”.
- ³⁴ *Ibid. P. 56.* Курсив авторов. В оригинале: «Ces ouvrages “de science” ont pour moindre défaut d’être dénués de toute *composition*. Selon l’heureuse expression d’un professeur de l’enseignement secondaire, le candidat se contente “de vider sa boîte de fiches dans son livre”».
- ³⁵ *Ibid. P. 78.* В оригинале: “L’originalité, l’imagination, l’invention sont méprisées. Seule la fiche vaut, parce qu’impersonnelle, dénuée, à la lettre, de l’intelligence”.
- ³⁶ *Ibid. P. 150–151; цитата – на с. 151.* В оригинале: “S’installer à la Bibliothèque, barbouiller d’encre de petits bouts de papier, aligner des fiches, quelle tâche aisée, doucement somnolente, et qu’on pourrait presque accomplir en pensant à autre chose!”
- ³⁷ *Ibid. P. 38.*
- ³⁸ *Péguy C. Brunetière // Péguy C. Oeuvres en prose complètes. P., 1988. T. 2. P. 639.* В оригинале: “Ils sont infiniment heureux, ils sont infiniment supérieurs. Pendant que nous autres faibles hommes, pauvres êtres nous nous perdons, que nous nous embrouillons dans nos interminables explorations, dans nos géodésies laborieuses, le sociologue, lui, il suffit qu’il ait dans des vieilles boîtes à cigares des paquets énormes de fiches pour que dans ses mains maigres il tienne le secret de l’humanité toute”. Прообразом этого безымянного социолога служил для Пеги племянник, ученик и духовный

наследник Дюркгейма Марсель Мосс; Пеги дал Моссу прозвище “картотечный ящик” (“boîte-à-fiches”). См. справку Р. Бюрака в: *Péguy C. Oeuvres en prose complètes*. P., 1987. Т. 1. P. 1904. Об отношении Пеги к Моссу см. также красноречивый пассаж в: *Péguy C. Victor-Marie, comte Hugo* [1910] // *Péguy C. Oeuvres en prose complètes*. P., 1992. Т. 3. P. 169–171.

Примечательно, что и отсылка к творчеству Франса, и отсылка к творчеству Пеги возникают на страницах блоковского “Введения” к “Апологии истории”: *Bloch M. L' Histoire...* P. 859, 861; *Блок М.* Указ. соч. С. 13–14. Если Массис и Тард усматривали олицетворение современной им гуманитарной науки в образе Фульгенция Тапира, то Блок усматривает символ исторической науки того же периода (конец XIX – начало XX в.) в образе другого франковского героя – Сильвестра Боннара. Образ Фульгенция Тапира – чисто сатирический, образ Боннара – сентиментально-юмористический, однако оба персонажа включены у Франса в один и тот же конфликт между книжной ученостью и жизнью. Что касается ссылки на Пеги, то Блок (не указывая источника) цитирует одну фразу из “Таинства любви Жанны д’Арк”, за которой стоит вынятный посвященным ближайший контекст поэмы Пеги, связанный с идеей сопротивления военному насилию; совершенно верное общее направление для интерпретации этой цитаты задано в примечании А.Я. Гуревича, который указывает, что “творчество Пеги пользовалось широкой популярностью во Франции в годы второй мировой войны” (*Блок М.* Указ. соч. С. 233). Дело, однако, осложняется тем, что к творчеству Пеги апеллировали как сторонники Спротивления, так и идеологи вишистского режима. В целом тема “Блок и Пеги” заслуживает отдельного рассмотрения. Важные подступы к этой теме см. в кн.: *Raulff U. Ein Historiker im 20. Jahrhundert*: Marc Bloch. Frankfurt a/M., 1995. P. 412–414 и по указателю на имя Péguy. Что же касается цитированного нами текста Пеги, то он был впервые опубликован в 1953 г. и Блок скорее всего не мог его знать; однако инвективы против столпов современной гуманитарной науки, и прежде всего против Шарля-Виктора Ланглуа, проходят через многие тексты Пеги 1900–1910-х годов.

³⁹ *Блок М.* Указ. соч. С. 105; *Bloch M. L' Histoire...* P. 977.

⁴⁰ См., например, обоснование такого дихотомического взгляда на историю французских интеллектуалов в статье: *Шарль К.* Французские интеллектуалы от дела Дрейфуса до наших дней: память и история // Шарль К. Интеллектуалы во Франции. М., 2005. С. 291–321.

⁴¹ См. в этой связи: *Bourgeade G. Charles Péguy et l'Action Française* // *Charles Péguy, l'écrivain et le politique*. P., 2004. P. 251–280.

⁴² Сжатую характеристику этой дискуссии см. в кн.: *Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France. XIXe–XXe siècle*: [4me] ed. revue et augmentée. P., 2007. P. 189–196.

⁴³ Общую характеристику идейной и методологической позиции Фюстеля, а также очерк истории рецепции наследия Фюстеля см. в: *Hartog F. Le XIXe siècle et l'histoire: Le cas Fustel de Coulanges*. P., 1988. P. 97–215. О позиции “Action Française” по отношению к Фюстелю см.: *Wilson S. Fustel de Coulanges and the Action Française* // *Journal of the History of Ideas*. 1973. Vol. 34, N 1. P. 123–134; *Capot de Quissac J.* Op. cit. P. 140–157. Позиция Блока в борьбе за наследие Фюстеля будет изложена на торжественном заседании по случаю 100-летия со дня рождения Фюстеля в 1930 г.: *Bloch M. Fustel de Coulanges, historien des origines françaises* // *Bloch M. L' Histoire...* P. 385–392. Прямыми учениками Фюстеля были отец Марка Блока Гюстав Блок и научный руководитель Марка Бло-

- ка Кристиан Пфистер. Учеником Фюстеля был также Эмиль Дюркгейм: он посвятил памяти Фюстеля свою латинскую диссертацию о Монтеस्कье. О влиянии Фюстеля на Дюркгейма см. ценные замечания Момigliано: *Momigliano A. The Ancient City of Fustel de Coulanges* [1970] // *Momigliano A. Studies on Modern Scholarship*. Berkeley; Los Angeles; L., 1994. P. 174–176.
- 44 О понятиях “опция” и “опциональный анализ” см. выступление автора этих строк на круглом столе “Культурные коды, социальные стратегии и литературные сценарии”: НЛО. 2006. № 82. С. 117–118.
- 45 В 1907–1909 гг. Февр регулярно печатает страстные публицистические тексты в социалистическом еженедельнике области Франш-Конте; см.: *Dosse F. L’histoire en miettes: Des “Annales” à la “nouvelle histoire”*. [3me ed.]. P., 2005. P. 54–55.
- 46 Об Анри Берре см. содержательный сборник статей: *Henri Berr et la culture française du XXe siècle*. P., 1997.
- 47 Генетическую связь между “Журналом исторического синтеза” и “Анналами” подчеркивал Люсьен Февр. Сегодняшний исследователь дает более комплексную характеристику: по оценке Бертрана Мюллера, “Анналы” были плодом “невероятного скрещения” двух моделей: с одной стороны, “Журнала исторического синтеза”, а с другой – дюркгеймовского “Социологического ежегодника” (*Müller B. Lucien Febvre et Henri Berr: de la synthèse à l’histoire-problème* // *Henri Berr... P. 58*).
- 48 В буквальном переводе: “История, которая служит, есть история-крепостная девка”. См.: *Febvre L. L’histoire dans le monde en ruines* // *Revue de synthèse historique*. 1920. Vol. XXX, N 88. P. 4.
- 49 *Dumoulin O. Le rôle social de l’historien: De la chaire au prétoire*. P., 2003. P. 223–224.
- 50 *Febvre L. Op. cit.* P. 5.
- 51 “Le style de pensée, chez Lucien Febvre, c’est d’aller et venir d’un pôle à l’autre. Cette démarche pourrait être encore illustrée par une foule d’exemples” (*Mann H.-D. Lucien Febvre: La pensée vivante d’un historien* / Préf. de F. Braudel. P., 1971. P. 32).
- 52 Страницы указаны по русскому изданию (см. примеч. 3).
- 53 См.: *Блок М.* Указ. соч. С. 13. Из многочисленных высказываний Февра, посвященных воздействию точных наук на гуманитарные, сошлемся хотя бы на длинное рассуждение в лекции “Как жить историей” (*Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 32–35).
- 54 Ср. знаменитую фразу из книги Блока “Странное поражение”: “Существует две категории французов, которые никогда не поймут историю Франции: те, чье сердце не бьется учащено при чтении воспоминаний о реймских миропомзаниях, – и те, кого оставляют равнодушным рассказы о праздновании Дня федерации” (*Bloch M. L’Histoire... P. 646*, перевод наш; ср. рус. пер. в кн.: *Блок М.* Странное поражение. М., 1999. С. 179). Далее Блок осуждает режим III Республики за неспособность возродить в нации мощные коллективные переживания и делает вывод: “Мы уступили Гитлеру прерогативу воскрешения древних гимнов”. Ср. также выразившееся в речи 1930 г. стремление Блока вырвать наследие Фюстеля из рук “Action française” (см. ссылку в примеч. 42).
- 55 Отношения между Февром и Блоком – чрезвычайно многоаспектная и сложная тема, неоднократно обсуждавшаяся историками в последние годы. Мы не ставим себе задачей дать сейчас – пусть даже суммарно – общий обзор взаимоотношений Февра и Блока. Такой обзор дан в работах: *Burguière A. L’École des “Annales”: Une histoire intellectuelle*. P., 2006. P. 53–69; *Dumoulin O. Marc Bloch*. P. 88–108; *Müller B. Lucien Febvre, lecteur et critique*. P., 2003 (см. всю книгу в целом, но особенно с. 413–419). В этой статье мы сосредоточимся лишь на

одном конкретном мотиве их взаимоотношений, отвлекаясь от характеристики тех или иных обстоятельств, в которых этот мотив заявляет о себе.

- ⁵⁶ Таблицу Февра см. в кн.: *Dosse F.* Op. cit. P. 43. Таблицу Шётлера см. в кн.: *Bloch M.* *Apologie der Geschichtswissenschaft oder Der Beruf des Historikers* / Hrsg. von P. Schöttler. Stuttgart, 2002. P. 262. Обе таблицы воспроизведены en regard в кн.: *Delacroix C., Dosse F., Garcia P.* Op. cit. P. 262–263.
- ⁵⁷ *Revue de synthèse historique.* 1914. T. 28. P. 354–356. Указ. по: *Müller B.* *Lucien Febvre, lecteur et critique.* P., 2003. P. 414. В оригинале: “M. Febvre semble avoir pratiqué plus assidûment Michelet que Fustel de Coulanges”.
- ⁵⁸ *Lyon B., Lyon M.* *The birth of Annales history: The letters of Lucien Febvre and Marc Bloch to Henri Pirenne (1921–1935).* Bruxelles, 1991. P. 25 (Letter N 8). В оригинале: «Nous ne voulons pas d’une Revue d’érudition pure et sèche, d’une nomenclature à l’usage des faiseurs de fiches en série – nous voulons une Revue bien informée, qui puisse se lire, et qui apporte son contingent d’informations non pas seulement aux “specialistes”, au sens étroit du mot, de l’histoire “économique” – mais à tous les historiens, et, plus généralement, à tous ceux qui s’intéressent à la vie intellectuelle, qu’ils se baptisent sociologues, philosophes, légistes ou économistes».
- ⁵⁹ Цит. по: *Fournier M.* *Marcel Mauss.* P., 1994. P. 641. В оригинале: «Nous ne voulons pas que d’une petite revue d’érudition, au sens mesquin du mot; nous la voulons sérieuse, cela va de soi, exclusive de tout journalisme, mais avec un champ très large, tout le passé (primitifs compris) et tout le présent, et les mots “économiques et sociaux” eux-mêmes compris sans étroitesse».
- ⁶⁰ См.: *Dosse F.* Op. cit. P. 42–43.
- ⁶¹ Цит. по: *Müller B.* Op. cit. P. 137.
- ⁶² См.: *Февр Л.* Лицом к ветру // Февр Л. Указ. соч. С. 46.
- ⁶³ “Он был великим историком не потому, что накопил большое количество выписок и написал кое-какие научные исследования, а потому, что всегда вносил в свою работу ощущение жизни, которым не пренебрегает ни один подлинный историк” (цит. по: *Гуревич А.Я.* *Уроки Люсьена Февра* // Февр Л. Указ. соч. С. 504).
- ⁶⁴ “Problèmes contemporains” et “hommes d’action” à l’origine des Annales: Une correspondance entre Lucien Febvre et Albert Thomas / Publication, préface et notes par B. Müller // *Vingtième siècle.* 1992. N 35. P. 86. Курсив наш. В оригинале: «Ce n’est pas d’ailleurs que je désespère de voir nos “Annales” prendre un certain rayonnement. Je lutterai toujours pour faire qu’elles soient lisibles, et qu’elles ne rasant pas les honnêtes gens avec tous les précurseurs ignorés du mercantilisme qui restent encore à découvrir, pour la satisfaction des candidats à l’agrégation de droit».
- ⁶⁵ *Ibid.* P. 88. Письмо от 8 октября 1929 г. В оригинале: «(...) dis-moi tout le mal que tu penses des “Annales”. Il y a beaucoup à en dire – je le sais. Ce n’est pas encore la revue vivante, dont je rêve. Mon co-directeur est très historien, et très érudit. Je l’ai laissé aller, un peu trop peut-être. Je suis venu à Paris précisément pour étudier les moyens de rendre la revue beaucoup plus “actuelle” et vivante».
- ⁶⁶ *Bloch M., Febvre L.* *Correspondance* / Ed. établie, présentée et annotée par B. Müller. P., 2003. Vol. 3. P. 15–16 (lettre CDI). Письмо Февра Блоку от 10 или 11 мая 1938 г. В оригинале: «Mais cette psychologie n’est pas tout. Fondamentalement, vous êtes en tant qu’historien plus “érudit” que moi. Je veux dire plus sensible à certaines qualités techniques dans un article, dans un mémoire – et à l’importance de certains apports de fait. Cela vient sans doute, tout simplement, de ce que votre activité première fut celle d’un médiéviste. Or il est certain que, dans les “Annales”, la part des articles d’érudition à court rayon (quand je dis articles, vous pensez bien que je parle de tout l’ensemble de ce que vous publiez, comptes rendus compris) devient plus forte proportionnellement».

⁶⁷ Ibid. P. 29 (lettre CDVI). В оригинале: “Ne me traitez pas de vil érudit, pas plus que de plat conformiste. Je suis, je pense, un honnête érudit. Tout comme vous. Je m’efforce d’être autre chose, tout en restant cela, à la base. Et je pourchasserai toujours, avec la même vigueur, tant que le Destin m’en laissera un peu, et l’érudition oiseuse, qui est bêtise, et la pseudo-illumination de pseudo-idées, qui est hallucination (ou paresse)”.

Чуть выше в том же абзаце, говоря о желании Февра сделать “Анналы” “журналом идей”, Блок соглашался на это (“Je veux bien”), но иронизировал над противопоставлением “идей” и “фактов”: “доброму старому гуманитарно-практику, каким я стараюсь быть, такое противопоставление, признаться, кажется слегка схоластичным” (“pour le brave homme de praticien des sciences humaines que je m’efforce d’être, l’opposition, je l’avoue, me semble un peu scholastique”).

⁶⁸ Блок М. Указ. соч. С. 27–28 (перевод Е.М. Лысенко цитируется здесь мною с изменениями); Bloch M. L’histoire... P. 879–880. В оригинале: «(...) j’accompagnais, à Stockholm, Henri Pirenne. A peine arrivés, il me dit: “Qu’allons-nous voir d’abord? Il paraît qu’il y a un hôtel de ville tout neuf. Commençons par lui”. Puis, comme s’il voulait prévenir un étonnement, il ajouta: “Si j’étais antiquaire, je n’aurais d’yeux que pour les vieilles choses. Mais je suis un historien. C’est pourquoi j’aime la vie”. Cette faculté d’appréhension du vivant, voilà bien, en effet, la qualité maîtresse de l’historien. Ne nous laissons pas tromper par certaine *froidueur* de style, les plus grands parmi nous l’ont tous possédée: Fustel ou Maitland à leur façon, qui était plus austère, non moins que Michelet. (...) Mais l’érudit qui n’a le goût de regarder autour de lui ni les hommes, ni les choses, ni les événements, il méritera peut-être, comme disait Pirenne, le nom d’un *utile antiquaire*. Il fera sagement de renoncer à celui d’historien» (курсивом выделены места, перевод которых был мной изменен по сравнению с переводом Е.М. Лысенко).

⁶⁹ Описание личности Пиренна см. в кн.: Lyon B. Henri Pirenne: A Biographical and Intellectual Study. Ghent, 1974. P. 402–414.

⁷⁰ Bloch M. Henri Pirenne, historien de la Belgique [1932] // Bloch M. Histoire et historiens. P., 1995. P. 249. Здесь Блок именует Пиренна “интегральным историком”: “S’il fallait, à tout prix, définir, je dirais simplement que M. Pirenne est un historien intégral. Sans doute, j’entends bien que cette universalité n’est pas un modèle qu’il soit permis, en conscience, de proposer à tout le monde”.

⁷¹ Bloch M. Écrire “La Société féodale”: Lettres à Henri Berr, 1924–1943 / Correspondance établie et présentée par J. Pluet-Despatin, préface de B. Geremek. P., 1992. P. 125 (предварительный вариант текста, составленный А. Толедано, – на с. 124). В оригинале: “Savant d’une scrupuleuse probité, il ne craint pas de signaler, chemin faisant, les lacunes de notre savoir. Historien au sens plein du mot, le sociologue et le psychologue rejoignent en lui l’érudit. Rompu à l’exercice de la méthode comparée, il rapproche constamment, pour les illuminer l’une par l’autre, les diverses évolutions, nationales ou régionales.

Au service d’une science très sûre, il a su mettre une langue claire, bien frappée et d’une sobre plénitude”.

⁷² Bompaire-Evesque C.-F. Op. cit. P. 128.

⁷³ Capot de Quissac J. Op. cit. P. 173. Ср. также: Gérard A. A l’origine du combat des “Annales”: positivisme historique et système universitaire // Au berceau des “Annales”. P. 79.

⁷⁴ Ср. аналогичный подход к правым идеологиям, сформулированный в статье Карло Гинзбурга: Гинзбург К. Германская мифология и нацизм: об одной старой книге Жоржа Дюмезиля // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. М., 2004. С. 242.